

Как прийти в Церковь-Иларион (Алфеев)

Предисловие

Вхождение человека в Церковь начинается с Крещения. Уже само решение человека о том, чтобы принять Крещение или крестить своих детей, является результатом благодатного действия Бога. По-разному проявляется это действие среди людей, но результат один и тот же – Сам Бог совершает рождение нового «гражданина» Царствия Божия. Не сразу ощущаются его последствия в жизни человека, будь то взрослый или младенец. Не следует после Крещения немедленно ждать каких-либо внешних перемен, которые вдруг, как по мановению волшебной палочки, сделают жизнь лучше и чище без всякого труда и усилий с его стороны. Однако в Крещении происходит его глубокое внутреннее перерождение, и новое, неизъяснимое чувство принадлежности к Церкви наполняет его жизнь духовным смыслом.

В Крещении человек получает приглашение от Бога и слышит Его призыв. На этот призыв нужно ответить, иначе спустя какое-то время все происшедшее в Таинстве Крещения вновь может затянуться пеленой забвения и духовного бесчувствия. Если после Крещения человек не войдет в церковную жизнь, его интерес к Церкви и таинствам может ослабеть на долгие годы, и жизнь пойдет так, как будто она не была затронута благодатью Крещения. Однако и в этом случае нельзя отступать и опускать руки, потому что когда-то свершившийся факт нашего Крещения остается непреложным. Даже если человек отречется от Бога, Бог не оставит его никогда, Он «не до конца прогневадается и не вовек враждует» и потому будет ожидать нашего покаяния всегда. Для того и дана жизнь человеку, чтобы он искал Бога, и, обретя Его в своем сердце, стал вместе с Церковью в ее таинствах трудиться над самим собой, не позволяя своей вере ослабеть, а любви угаснуть.

Таинство Крещения – это «Таинство воды и Духа», начало всех таинств Православной Церкви, основой и фундаментом которой является Божественная Евхаристия. Без Крещения немислимо участие в Евхаристии, главным содержанием которой является преложение, то есть изменение хлеба и вина в Тело и Кровь Христа, и принятие их верующими.

В этой книге мне хотелось бы рассказать о Святом Крещении как начале духовной жизни, познакомить читателя с историей этого Таинства и современной практикой его совершения в Церкви на основании творений отцов Церкви, исследований современных богословов и своего собственного многолетнего опыта совершения таинства Крещения. Отдельно будет сказано о Миропомазании – Таинстве, которое в Православной Церкви совершается, как правило, одновременно с Крещением.

Часть 1. Таинства и обряды

Почему существуют Таинства

Некоторые люди, даже считающие себя православными, полагают, что быть христианином можно не участвуя в церковных таинствах. «Разве нельзя верить в Бога без участия во всяких церемониях?» – спрашивают эти люди.

Мы не знаем, зачем нужны вещественные, видимые, осязаемые формы для передачи человеку благодатной божественной силы, как не знаем, зачем Бог создал не только мир духовный, но и телесный, вещественный, видимый и осязаемый. Но мы знаем, что цель уже созданного мира и человека состоит в достижении единства с Богом. А человек – не только духовное, но и плотское существо. Тело и душа в нем составляют нечто целое и единое. И благодать Божия должна пронизывать всего человека, а не отдельные его составные части.

В Таинствах Святой Дух наполняет не только душу человека и не только его тело, но **всего человека** в целом. Здесь материя имеет столь же необходимое и таинственное значение, как и в соотношении тела и души с личностью человека. Мы не знаем, каково в Таинствах взаимоотношение материального и духовного, но знаем, что эта связь есть и что она нерасторжима.

Таинства Церкви суть величайшее проявление божественной любви, которая доходит до нас, преодолевая нашу человеческую немощь и греховность, и воссоединяет нас с Божеством. Эта любовь, снисхождение и милосердие Божие дают нам благодатную силу в вещественных, осязаемых, внешних формах, которые объемлют всего человека, а не только его дух. В Таинствах благодать Божия, подобно душе человека, непостижимо облекается в телесность вещества, через которую Бог являет Свою силу, нисходя к падшему человеку и совершая его искупление.

Откуда нам становится ясно, как именно следует совершать Таинства, какие действия производить и какие слова произносить? Это решает не отдельный человек сам по себе, не какая-либо группа людей, но это определяет Церковь, которой дана вся полнота богооткровенной истины. Истина приобретает форму и становится ощутимой только в жизни Церкви, являясь в то же время источником всех церковных определений и действий. Все, что есть в Церкви, создано силою Святого Духа уже в процессе ее бытия.

Вера - необходимое условие для совершения таинства. В таинстве Крещения, например, человек получает новое рождение для того, чтобы стать членом Церкви. Физическое рождение несет на себе печать греха, без преодоления которого нельзя стать членом Церкви – Тела Христова. Как физически человек не рождает себя сам, так и духовно не может родиться изнутри себя самого, чтобы уничтожить в своей природе начало греха. Новое рождение дается только силой божественной благодати и верой в Господа Иисуса Христа, искупившего мир. Эта перерождающая сила содержится в Церкви, и Церковь хранит необходимую для этого веру. Человек, принимающий Крещение, получает то, что ему дает Церковь: его душе сообщается новое бытие, в котором человек не только духовно, но и телесно становится членом Церкви. А через Крещение становится возможным его участие в тех таинствах, через которые благодать Божия преподается и воспринимается только членами Церкви.

Таинство совершается Святым Духом и верой Церкви, но действенность преподанной в Таинстве благодати зависит и от внутреннего состояния души. Крещение дает человеку благодать нового рождения. Но при неверии это рождение не создает новой жизни, пока человек своей верой не примет ту благодать, которая ему дана в таинстве Крещения.

Бывает, что крещеный, получивший благодать рождения свыше, ведет менее достойный образ жизни, чем некрещеный. Однако это не значит, что не обязательно креститься и что не нужно приступать к другим церковным таинствам, чтобы обрести возможность более достойной жизни. Наоборот, креститься и участвовать в тех Таинствах, которые предлагаются Церковью, необходимо, но не менее необходимо выполнять и внутренние условия – беречь свою веру и иметь любовь к Богу и людям, чтобы не осталась бесплодной благодать Крещения и других Таинств.

Дары благодати в Таинствах различны, хотя Дух один и тот же. В Крещении совершилось рождение свыше, началось новое внутреннее бытие человека через таинственное присоединение его к Церкви как Телу Христову. Ему, как первый дар, была дана благодать для того, чтобы встать на путь спасения. Но человек продолжает жить в вещественном мире и, родившись свыше, еще остается в среде естественного природного бытия. Наш ум, наши чувства, наша воля пока остаются подверженными опасности возвращения к «ветхому человеку», пребывающему во власти своей плоти. Нужна особая благодать, которая бы запечатлевала новое состояние бытия и предотвращала поворот к старому. Нужна «печать дара Духа Святого», которая дала бы силы вновь рожденному благодатью по-новому мыслить, по-новому чувствовать, по-новому действовать, по-новому видеть, слышать и воспринимать этот мир. Запечатлевающая благодать Святого Духа как бы «восполняет» таинство Крещения, в котором рожден человек, и преподается Церковью в таинстве Миропомазания.

Подлинность церковного учения о таинствах подтверждается не логическими умозаключениями или доказательствами, а **внутренним опытом и верой**. С людьми неверующими, внешними по отношению к Церкви, но признающими свободу воли, различие добра и зла и высший смысл жизни, можно вести спор, доказывать и свидетельствовать, что есть основные послышки, которые логически приводят к истинам веры. Но всегда необходимо подчеркивать, что сама истина логическими послышками не исчерпывается. Участие в Таинствах – вот подлинно благодатная жизнь, когда уже на земле мы соединяемся с жизнью божественной.

Учение Церкви о Таинствах основано на внутреннем опыте верующих, восполняющем и обогащающем

всякое разумное и логическое обоснование веры и духовной жизни. Таинства раскрывают светлое небо на грешной земле как уже наступившее обетование. Таинства облачают нашу веру в «плоть и кровь» и, подобно огню, согревают холод души. Таинства Церкви объемлют все человеческое существо, дают рождение свыше и силы жить новой жизнью. В Таинствах исцеляются немощи, отмываются грехи, благословляется брак, рождение детей и семейная жизнь. Таинственно мы соединяемся с Христом в причащении Его Святых Тела и Крови.

Таинство в православном понимании

Понятие «Таинство» имеет долгую историю в восточнохристианской Церкви. В современном православном словоупотреблении Таинством называется одно из священнодействий, в которых благодать Святого Духа подается верующему.

В так называемых символических книгах Православной Церкви и в греческих и русских учебниках по догматическому богословию XVIII–XIX веков учение о Таинствах излагалось в категориях латинского схоластического богословия. Утверждалось, что таинств в Церкви семь – «ни больше, ни меньше»: Крещение, Миропомазание, Причащение, Покаяние, Священство, Брак, Елеосвящение[1]. Причина того, что таинств семь, «скрывается в воле Установителя таинств, Господа Иисуса». Кроме того, их семь потому, что они «соответствуют всем потребностям христианской жизни человека и потребностям самой Церкви»[2].

Для совершения любого Таинства требуются три «вещи», пишет автор одного из учебников конца XVIII века: 1) «видимая вещь, предложенная для освящения, что материею или веществом зовем», 2) «некой вид словес, коими призываем Святаго Духа для освящения предложенныя вещи: сие формою мы называем»; 3) «священнослужитель, или законнопроизведенное от архиерея для служения сего лицо»[3].

Такое понимание приводило к многочисленным натяжкам. Во-первых, седмичное число таинств искусственно выделило семь церковных чинопоследований, оставив в стороне и отнеся к категории «обрядов» целый ряд других, не менее важных. Почему, например, брак является Таинством, а пострижение в монашество обрядом? На этот вопрос учебники ясного ответа дать не могли.

Во-вторых, необходимо было доказывать божественное происхождение каждого Таинства, а это не всегда удавалось делать убедительно. Например, если в отношении Крещения и Евхаристии такое установление было очевидно, то в отношении некоторых других Таинств, например Миропомазания или Елеосвящения, вовсе нет. В результате божественное происхождение Таинства Миропомазания доказывалось ссылкой на обетование Святого Духа, которое Иисус дал Своим ученикам (Ин. 7:37–39)[4]. О таинстве Елеосвящения говорилось, что оно существовало в апостольскую эпоху (Иак. 5:14–15), а поскольку апостолы ничего не проповедовали от себя, а учили только тому, что им заповедал Иисус, следовательно, это Таинство – божественного происхождения[5]. Относительно Таинства Брака говорилось, что его Христос установил либо во время пребывания на браке в Кане Галилейской (Ин. 2:1–11), либо когда сказал фарисеям: *что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19:6); либо при ином неизвестном нам случае[6].

В-третьих, нелегко было определить «материю» для трех из семи таинств. Очевидно, что в Евхаристии материей является хлеб и вино, в Крещении вода, в Миропомазании миро, в Елеосвящении елей. А какова материя таинств Брака, Священства и Покаяния?

Наконец, необходимость определить в каждом таинстве ту словесную формулу, при помощи которой Таинство совершается, приводила к тому, что из чинопоследования Таинства искусственно выделялись те или иные слова, которым придавали значение «тайносовершительных». В таинстве Покаяния тайносовершительной формулой оказывалась разрешительная молитва (каковой нет в греческом чинопоследовании Таинства, а в русской практике она появилась не ранее XVII века). В таинстве Брака важнейшими оказывались слова «венчается раб Божий (такой-то) рабе Божией (такой-то), «венчается раба Божия (такая-то) рабу Божию (такому-то)» и краткая молитва «Господи Боже наш, славою и честью венчай я».

Изложенное учение о семи Таинствах заимствовано из средневекового латинского богословия и не имеет параллелей в творениях восточных Отцов Церкви первого тысячелетия. На Западе оно сформировалось к XII веку и было догматизировано на Лионском соборе 1274 года и Флорентийском соборе 1439 года (отметим, что на обоих соборах была заключена уния между православными и латинянами). 3 марта 1547 году Тридентский собор (по католическому исчислению, XIX Вселенский) постановил отлучать от Церкви тех, кто считает, что

Таинства не установлены Господом нашим Иисусом Христом или что их больше или меньше семи[7].

На православном Востоке первой попыткой систематизации (и схематизации) церковных таинств стал трактат Дионисия Ареопагита «О церковной иерархии». В этом трактате двум тройственным иерархиям священных степеней соответствуют две тройственные иерархии Таинств: 1) Просвещение (Крещение, включая помазание миром); 2) Собрание (Евхаристия); 3) освящение мира; 4) посвящение лиц священных; 5) монашеское посвящение (постриг); 6) тайнодействие над усопшим (отпевание). В том же порядке, ссылаясь на «всемудрого Дионисия», Таинства перечисляет преподобный Феодор Студит[8].

Учение о семи Таинствах впервые появляется на православном Востоке в третьей четверти XIII века, причем появляется именно в качестве попытки приспособления православного учения к католическому. В 1267 году император Михаил Палеолог направляет Папе Римскому Клименту IV «Исповедание веры», целью которого было заключение унии с латинянами: в это «Исповедание» вошло учение о семи Таинствах, наряду с другими католическими догматами, в частности, о чистилище и о Филиокве.

К тому же периоду относится упоминание о семи Таинствах в послании византийского монаха Иова (+1270): «Семь таинств Святой Христовой Церкви по порядку суть следующие: первое Крещение, второе харизма, третье принятие святынь животворящего тела и крови Христовой, четвертое священство, пятое честной брак, шестое святая схима, седьмое помазание елеем или покаяние»[9]. В число семи таинств, таким образом, включено монашеское пострижение, а елеопомазание объединяется с покаянием в одно Таинство.

В XIV веке о Таинствах говорят в своих сочинениях святители Григорий Палама и Николай Кавасила, однако ни один из них не дает список из семи таинств. Такой список появляется лишь в XV столетии у святого Симеона Солунского, который упоминает следующие Таинства: Крещение, Миропомазание, Евхаристия, покаяние, священство, брак, елеосвящение. Однако в раздел, посвященный покаянию, он включает полное описание монашеского пострига[10].

Лишь в XVII веке учение о семи Таинствах становится на православном Востоке общепринятым, войдя сначала в «символические книги», а затем и в семинарские учебники богословия. И лишь в конце XIX и в XX веке, параллельно с возрождением интереса к творениям Отцов Церкви, православное богословие начало освобождаться от искусственного и схематичного представления о Таинствах, характерного для средневекового латинства. На смену «школьному богословию»[11] пришло богословское направление, тяготеющее к патристическому синтезу, и учение о Таинствах было переосмыслено с целью возвращения его в святоотеческое русло. Вклад в это переосмысление внесли богословы «парижской школы», такие как архимандрит Киприан (Керн), протопресвитер Александр Шмеман и протопресвитер Иоанн Мейендорф.

Как отмечает последний, «византийское богословие никогда не проводило строгого различия между Таинствами и обрядами, как это было сделано в Латинской Церкви, и никогда не связывало себя с каким-либо определенным числом таинств». Сам термин «таинство» (*mysterion*) у святых отцов употребляется не столько для обозначения священнодействий, сколько для указания на «таинство спасения» в более широком смысле [12]. Так например, Григорий Нисский говорит о «таинстве христианства»[13], имея в виду всю совокупность христианского предания. В огласительных поучениях Иоанна Златоуста термин «таинство» употребляется то применительно к Крещению и Евхаристии в их единстве, то применительно к одному из этих двух таинств, то применительно ко всем богослужениям крещального цикла[14].

Таинствами называли также события из жизни Христа, церковные праздники[15]. «Праздник» и «таинство» могли восприниматься как синонимы: каждый праздник носил мистериальный, таинственный характер, и каждое Таинство, в частности Крещение, воспринималось как праздник. Об этом говорит Григорий Богослов в одной из проповедей: «Опять Иисус мой, и опять таинство – таинство не обманчивое и безобразное, таинство не языческого заблуждения и пьянства... но таинство высокое и божественное, подающее нам высшее сияние»[16]. Под «таинством» в данном случае понимается праздник Богоявления, которому посвящена проповедь.

Если же говорить о Таинствах как священнодействиях, то, как мы видели, в число таинств включали, например, монашеский постриг, чин погребения усопшего. Характер Таинства имеют и другие священнодействия, относимые ныне к категории обрядов, например, великое освящение воды в праздник Богоявления. Молитвы этого чина имеют ярко выраженную «евхаристическую» окраску, священник просит Бога ниспослать Святого Духа на воду, после чего происходит преложение ее в «великую агиасму» – святыню, которую с благоговением принимают внутрь, которой помазываются и окропляются верующие. Чин освящения храма тоже имеет таинственный характер.

Большинство церковных Таинств генетически связано с Евхаристией: в византийский период эти Таинства, как правило, не отделялись от Евхаристии. Чин Крещения и миропомазания завершался Евхаристией; рукоположение во все священные степени происходило (и до сих пор происходит) во время Евхаристии; Таинство брака также выросло из благословения, которое епископ преподавал брачующимся во время Евхаристии. Ни одно из этих Таинств не воспринималось как «частное» богослужение, как «треба», которая может быть совершена в отрыве от евхаристической общины.

Впоследствии некоторые Таинства (например, Брак) отделились от Евхаристии, однако сохранили следы связи с ней. Сохранилось и понимание Таинства как «соборного» действия, даже если оно совершается вне Евхаристии и вне храма, как, например, Таинство Елеосвящения, которое может совершаться на дому. В последнем случае в лице семи священников, которые, согласно уставу, должны совершать это Таинство, Церковь сама приходит в дом к больному, не способному прийти в храм.

Все Таинства совершаются внутри Церкви, они неотделимы от Церкви. Православному сознанию чуждо латинское учение о действительности таинств *ex opere operato* (посредством совершённого действия). Согласно этому учению, гарантом действительности семи таинств является факт их правильного совершения, причем Таинства рассматриваются как орудия благодати, над которыми Церковь не властна, которые действуют сами по себе, независимо от Церкви[17]. Для православного богословия такая постановка вопроса неприемлема, так как понятие Таинства вне Церкви, помимо Церкви или вопреки воле Церкви для него не существует.

Смысл каждого Таинства может быть выражен термином «преложение» (*metálhyiv*), употребляемым в отношении Святых Даров на Евхаристии. Этим термином, буквально означающим «изменение», в литургии Василия Великого обозначается то, что происходит с хлебом и вином, когда они становятся Телом и Кровью Христа. Вид хлеба и вина остается, но реальность меняется: хлеб и вино перестают быть таковыми и становятся Телом и Кровью Христа. Благодаря причащению аналогичное изменение происходит с человеком: его физические свойства не меняются, но он принимает внутрь себя Бога и духовно преображается, соединяясь с Ним. Такое же изменение происходит с человеком в Таинстве Крещения: он сходит в купель ветхим, а выходит новым, заново родившимся.

Таинства приоткрывают перед человеком реальность иного мира и способствуют его духовному перерождению. Об этом говорит Николай Кавасила: «Посредством Таинств, как бы посредством оконцев, в мрачный мир проникает солнце правды и умерщвляет жизнь, сообразную с этим миром, и восстанавливает жизнь сверхмирную»[18]. Для того чтобы соединиться с Христом, верующему необходимо «усовершенствоваться Таинствами, омываться, помазываться, наслаждаться святой трапезой. К совершающим это приходит Христос и водворяется в них, и соединяется с ними, и исторгает из нас грех, и влагает Свою жизнь и силу, и делает общниками Своей победы»[19]. Таинства открывают человеку путь к обожению:

Принадлежащее Главе[20] делается и нашим. Посредством воды мы превращаемся в безгрешных, посредством мира участвуем в Его благодеяниях, посредством трапезы живем одной с Ним жизнью, и в будущем мы – боги через Бога и наследники одного и того же с Ним, царствующие в одном с Ним царстве, если только добровольно не ослепим себя в этой жизни и не раздерем царский хитон. Ибо с нашей стороны только то требуется для получения блаженной жизни, чтобы сохранять дары и соблюдать благодеяния и не сбрасывать венец, который сплел для нас Бог со многим потом и трудом. Такова жизнь во Христе, которую поддерживают Таинства[21].

Соединяя человека с Богом, **Таинства Церкви** в то же время **помогают ему реализовать свою «человечность»**, свой потенциал свободы, свое призвание к жизни в Духе Святом:

Таинство – не абстракция, а опыт, в котором человек общается с Богом. В таинстве человеческая природа, не теряя полноты человеческого естества, участвует в более высокой реальности Духа. Человечество становится еще человечнее и исполняет свою исключительную судьбу. Таинство – путь к истинной жизни, к человеческому спасению. Оно открывает дверь к истинному, неискаженному человечеству. И потому Таинство – не магия. Святой Дух не подавляет человеческой свободы, а освобождает человека от уз греха. В новой жизни невозможное становится возможным, если человек свободно пожелает принять то, что дарует ему Бог [22].

В преподавании Таинств церковных прослеживается преемство иерархии от апостольской эпохи до настоящего времени. Те же самые Таинства, что преподавались апостолами, преподаются ныне епископами и священниками, подчеркивает Симеон Новый Богослов:

Они не преподаются ни святыми апостолами, ни святыми отцами прошедших времен, наследовавшими апостолам, но теми, которые живут сейчас и которые находятся сегодня с нами. Поэтому совершенно ясно, что то, что преподавали верующим те, которые существовали тогда в мире, то же в точности преподают нам в настоящее время эти, и эти последние равны первым. Каким образом? Потому что, как те крестили в воде и Божественном Духе, так и теперь эти делают. Те преподавали Тело и Кровь Христову, то же самое эти преподают и нам теперь. И те не имели ничего лишнего, и ничего не недостает в том, что преподается нам теперь. Те учили вере во Христа, в Отца и Сына и Святого Духа, в Троицу нераздельную и единосущную, тому же самому нас учат наши отцы[23].

Как уже говорилось, современное словоупотребление различает Таинства и обряды. К числу последних относятся священнодействия, которые по всем признакам сходны с Таинствами, однако не включены в число семи Таинств. Разделение на Таинства и обряды настолько же условно, насколько условно выделение семи Таинств из всех церковных священнодействий. Некоторые современные богословы называют обряды «меньшими Таинствами», тем самым подчеркивая их сакраментальный, таинственный характер[24]. Количество существующих церковных обрядов не поддается исчислению. Некоторые обряды существовали в древности, но вышли из употребления; другие, напротив, создаются на наших глазах.

Чинопоследования большинства таинств и обрядов содержатся в книге, называемой по-славянски *Требник* (от славянского слова «треба», обозначающего богослужение, совершаемое по определенному конкретному поводу). Единой редакции Требника не существует, и состав книги варьируется в зависимости от места и времени издания. Полная редакция Требника называется *Большим Требником*. Она состоит из двух частей. Первая часть включает чинопоследования Крещения, Миропомазания, Брака, Елеосвящения, Покаяния, погребения, освящения воды, пострижения в монашество. Вторая часть включает чины освящения зданий, вещей, продуктов питания, молебные пения на разные случаи, а также некоторые богослужебные чины позднего происхождения, например, чин умовения ног в Великий Четверг. *Малый Требник* представляет собой сокращенную редакцию Большого Требника и имеет наиболее широкое употребление.

Часть II. Крещение и Миропомазание

О Крещении

Таинство Крещения является дверью в Церковь как Царство благодати – с него начинается христианская жизнь. Крещение – грань, отделяющая членов тела Христова от прочих людей, находящихся вне этого тела. **В Крещении человек облачается во Христа**, по словам апостола Павла, которые поются во время обхождения крещаемых вокруг купели: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь» (Гал. 3:27: «все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись»). В Крещении человек умирает для греховной жизни и воскресает в новую духовную жизнь, о чем говорится в апостольском чтении, содержащемся в чинопоследовании таинства: «Все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились. Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни... Если мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскресши из мертвых, уже не умирает, смерть уже не имеет над ним власти... Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога» (Рим. 6:3-11).

Прообразом новозаветного Крещения было Иоанново «крещение покаяния для оставления грехов» (Мр. 1:4), совершенное им в водах Иордана. Вода – один из древнейших религиозных символов. В Библии вода символизирует жизнь (Ис. 35:6-7; 58:11), благодать Божью (Ин. 4:10-14), духовную и нравственную чистоту человека (Ис. 1:16). У древних евреев в обычае были частые омовения, которые, однако, так же как и жертвенная кровь, не могли смыть первородного греха и освободить человека от власти дьявола. Крещение Иоанново по форме было похоже на эти ритуальные омовения, по смыслу же было пригласительным к встрече Христа: «приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мк. 1:3). Христос пришел к Иоанну креститься не для того, чтобы омыться, так как был безгрешен и чист, но чтобы Своим погружением в Иордан освятить воды реки, наделить их Своей энергией и силой, сделать их животворными и живоносными. В таинстве Крещения тоже освящается вода, для чего читаются молитвы с призыванием Святого Духа.

Таинство Крещения заповедано Самим Христом: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и

Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19). Заповедь Христа включает в себя основные элементы чинопоследования таинства: предварительное научение («оглашение»), без которого вера не будет сознательной, погружение в воду (греч. *baptismos* буквально означает «погружение») и формулу «во имя Отца и Сына и Святого Духа». В первоначальной Церкви Крещение совершалось через погружение в воду (ср. Деян. 8:38: «сошли оба в воду»), причем в самую раннюю эпоху крестили в «воде живой», то есть в проточной, речной, а не стоячей, озерной. Однако довольно рано при храмах стали строить баптистерии со специальным бассейном (купелью), в который погружали крещаемых. Практика обливания и окропления более поздняя. Впрочем, и в древней Церкви допускалось Крещение через обливание в исключительных обстоятельствах, например в случае болезни крещаемого. В «Луге духовном» описан случай Крещения человека не водой, а песком: путники находились в глубине пустыни и им угрожала смерть, а воды поблизости не было.

В эпоху Константина (IV в.) было принято крестить по преимуществу взрослых, так как придавалось большое значение сознательному принятию Таинства. Некоторые, зная, что в Крещении прощаются грехи, откладывали Таинство до последних дней жизни: сам император Константин крестился перед смертью. Святитель Григорий Богослов был сыном епископа, однако крестился в зрелом возрасте; святители Василий Великий и Иоанн Златоуст тоже крестились только по окончании высшей школы. Впрочем, практика крещения младенцев является не менее древней – апостолы крестили целые семейства, в которых, несомненно, должны были быть и дети (ср. Деян. 10:48: крещение Корнилия со всем домом). Священномученик Иринеи Лионский (II в.) говорит: «Христос пришел спасти тех, кто через Него возрождаются в Бога: младенцев, отроков, юношей, старцев». 124-е правило Карфагенского Собора (IV в.) содержит анафему отвергающим необходимость крещения младенцев и новорожденных детей.

Что же касается веры как главного условия действенности Таинства («кто будет веровать и крестится, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет» – Мк. 16:16), то в случае Крещения младенцев исповедание веры произносят восприемники (родители), тем самым дающие обязательство воспитать детей в вере и сделать их Крещение сознательным. Младенец, принимающий Таинство, не может логически осмыслить то, что происходит с ним, однако его душа вполне способна воспринять благодать Святого Духа. «Я верую, – пишет преподобный Симеон Новый Богослов, – что крещеные младенцы освящаются и сохраняются под кровом Всесвятого Духа и что они – овцы духовного стада Христова и избранные агнцы, ибо запечатлены знаменем животворящего Креста и совершенно освобождены от тиранства диавола». Однако **младенцам благодать Божья дается как бы в залог их будущей веры**, как семя, которое бросают в землю; но для того, чтобы из семени выросло дерево и принесло плоды, требуются усилия и восприемников, и самого крещаемого по мере его возрастания.

В древней Церкви Крещение совершалось не ежедневно, по мере потребности желающих креститься, как это практикуется сегодня, а лишь по большим праздникам, в особенности на Пасху. Крещению предшествовали долгие месяцы (иногда и годы) оглашения, когда готовящиеся к Таинству приходили в храм и слушали беседы епископа или священника, раскрывавших им смысл христианской жизни. Оглашенные, то есть готовящиеся к Крещению, составляли особый класс в древней Церкви – им разрешалось присутствовать на богослужениях, однако во время литургии, после чтения Евангелия и проповеди, они должны были уходить (с тех времен и сохранился литургический возглас: «Елицы оглашени, изыдите»), так как в таинстве Евхаристии могли участвовать только верные, причащающиеся Тела и Крови Христа. Огласительные беседы заканчивались на Страстной седмице. В Великую Пятницу, как правило, совершалось отречение от сатаны и исповедание веры («договор с Христом», по выражению святителя Иоанна Златоуста), а в Великую Субботу после вечерней литургии происходило само Крещение. До сих пор пасхальное богослужение Православной Церкви несет на себе следы первоначальной зависимости от чинопоследования Крещения: ночной крестный ход вокруг храма когда-то был шествием новокрещеных, облаченных в белые одежды и держащих горящие свечи, в церковь, где их встречало ликующее «Христос воскрес!»

Хотя продолжительное оглашение в наше время не практикуется, его необходимость, в особенности когда речь идет о крещении взрослых, очевидна: прежде чем крестить, необходимо научить. На практике священник перед началом таинства проводит краткую беседу, изъясняя основные истины веры. В чине Крещения сохранились молитвы оглашения и изгнания диавола (экзорцизм), после которых происходит торжественное отречение крещаемого (или восприемника) от диавола и исповедание веры во Христа. Затем следует освящение воды, помазание елеем и само трехкратное погружение с произнесением слов «крещается раб Божий (раба Божия)... во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого Духа, аминь». Непосредственно за погружением в воду следует Таинство Миропомазания, после которого совершается трехкратное обхождение вокруг купели с пением «Елицы во Христа крестистесь». Чин Крещения завершается чтением Апостола и Евангелия, символическим пострижением волос и воцерковлением. Сразу же после Крещения или в ближайшие дни новокрещеный вне зависимости от возраста приступает к причащению Святых Тайн. В

отличие от Римской Церкви, где Миропомазание (конфирмация) и первое причастие совершаются по достижении ребенком семи лет, Православная Церковь допускает детей к этим таинствам с самого раннего возраста, чтобы не лишать их живой, хотя и не вполне осознанной связи со Христом.

Таинство Крещения совершается однажды в жизни. В Крещении человек получает освобождение от первородного греха и прощение всех своих грехов. Однако оно является лишь первой ступенью восхождения души к Богу, и если за ним не следует обновление всей жизни, духовное перерождение, решительный отказ от дел «ветхого человека», то оно не приносит плода. Благодать Божья, получаемая в Крещении как залог, как семя, будет прорастать в человеке и многообразно проявляться на протяжении всей его жизни, если он стремится ко Христу, живет в Церкви и исполняет заповеди. Если же Крещение было только формальностью, данью традиции или моде, и человек продолжает жить как язычник или неверующий, он лишается всех плодов таинства, отлучает себя от Христа и извергает себя из Церкви.

О Миропомазании

Установление Таинства Миропомазания восходит к апостольским временам. В первоначальной Церкви каждый новокрещеный получал благословение и дар Святого Духа через возложение рук апостола или епископа. В Деяниях говорится о том, что Петр и Иоанн возложили руки на самарян, чтобы они приняли Святого Духа, «ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса» (Деян. 8:16). Сошествие Святого Духа сопровождалось иногда видимыми и ощутимыми проявлениями благодати: люди начинали говорить на незнакомых языках, пророчествовать, совершать чудеса, как это случилось с апостолами в праздник Пятидесятницы.

Возложение рук являлось продолжением Пятидесятницы, так как сообщало дары Святого Духа. Впоследствии с умножением христиан из-за невозможности личной встречи каждого новокрещеного с епископом рукоположение было заменено Миропомазанием. В Православной Церкви Миропомазание совершает священник, однако само миро (благовонное масло) готовится епископом. Миро варится из различных элементов (насчитывается до 64 элементов: елей, бальзам, смолы, благовонные вещества), и в современной практике правом приготовления мира обладает только глава автокефальной Церкви (патриарх, митрополит). В Москве, например, Патриарх Московский и всея Руси совершает чин мироварения один раз в несколько лет и затем раздает освященное миро на приходы, таким образом, благословение патриарха получает каждый, кто становится членом Церкви.

В апостольских посланиях дар Святого Духа, которым обладают христиане, иногда называется «помазанием» (1 Ин. 2:20, 2 Кор. 1:21). В Ветхом Завете через помазание совершалось поставление человека на царство: «И взял Самуил сосуд с елеем и вылил на голову его (Саула) и поцеловал его, и сказал: вот, Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего» (1 Цар. 10:1). Поставление на священническое служение совершалось тоже через миропомазание: «Возьми себе самых лучших благовонных веществ: смирны... корицы... тростника благовонного... касии и масла оливкового... и сделай из сего миро для священного помазания... И помажь... Аарона и сынов его, и посвети их, чтобы они были священниками Мне... тела прочих людей не должно помазывать им, и по составу его не делайте... подобного ему; оно – святыня» (Исх. 30:23–26, 30, 32).

В Новом же Завете нет деления на «посвященных» и «прочих»: в Царстве Христа все являются «царями и священниками» (Апок. 1:6), «родом избранным», «людьми, взятыми в удел» (1 Пет. 2:9), а потому помазание совершается над каждым христианином.

Через Миропомазание человек получает «печать дара Духа Святого». Как поясняет протопресвитер Александр Шмеман, речь идет не о различных «дарах» Святого Духа, а о самом Святом Духе, Который сообщается человеку как дар. Об этом даре Христос говорил ученикам на Тайной Вечери: «...Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины» (Ин. 14:16–17); и «Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам» (Ин. 16:7). Крестная смерть Христа сделала возможным дарование нам Святого Духа, и во Христе мы становимся царями, священниками и христами (помазанниками), получая не ветхозаветное священство Аарона, или царство Саула, или помазание Давида, но новозаветное священство и царство Самого Христа. Через Миропомазание мы становимся сынами Божиими, потому что Святой Дух есть «дар усыновления» («сыноположения дарование», как читается в литургии святителя Василия Великого).

Так же как и благодать Крещения, дар Святого Духа, получаемый в Миропомазании, должен быть не просто пассивно воспринят, но активно усвоен. В этом смысле преподобный Серафим Саровский говорил, что цель жизни христианина – «стяжание Святого Духа». Божественный Дух получен нами в залог, но Его предстоит стяжать, то есть приобрести, войти в обладание им. Святой Дух в нас должен принести плод. «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание... Если мы живем духом, то по духу и поступать должны», – говорит апостол Павел (Гал. 5:22, 25). Все таинства имеют смысл и являются спасительными только в том случае, если жизнь христианина соответствует дару, который он получает.

Крещение является Таинством, которое открывает уверовавшему во Христа вход в Церковь. Без принятия Крещения невозможно быть православным христианином. В современной практике Православной Церкви в чинопоследование Таинства Крещения инкорпорировано также Таинство Миропомазания. Представляется поэтому логичным рассмотреть Таинства Крещения и Миропомазания в одной главе.

Формирование чинопоследования

Исторически христианскому Крещению предшествовало Крещение Иоанново, о котором рассказывается в Евангелии (Мф. 3:1-12; Мр. 1:4-8; Лк. 3:3-17). Это Крещение по форме напоминало ритуальные омовения, распространенные в иудейской среде. По содержанию же оно было *Крещением покаяния для прощения грехов* (Лк. 3:3). Оно имело приуготовительный характер, ибо Иоанн говорил приходившим к нему: *Я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем* (Лк. 3:16; Мф. 3:11; Мр. 1:8). От Иоанна крестился и Сам Иисус (Мф. 3:13-17; Мр. 1:9-11; Лк. 3:21-22).

Насколько можно судить по Евангелию, Иисус, крестившись от Иоанна, тоже начал крестить. По крайней мере, в одном месте Евангелие от Иоанна прямо говорит о том, что Иисус жил с учениками в земле Иудейской и крестил, в то время как Иоанн крестил в Еноне, близ Салима (Ин. 3:22-23). В другом месте того же Евангелия, правда, уточняется, что *Сам Иисус не крестил, а ученики Его* (Ин. 4:2). Как бы там ни было, это первоначальное Крещение, вероятнее всего, и по форме и по содержанию напоминало Иоанново[25]. Евангелие умалчивает о том, сопровождалась ли последующая проповедь Христа крещением уверовавших. Нам также ничего не известно о том, крестил ли Иисус Своих учеников[26].

Возносясь на небо после Своего воскресения, Иисус заповедал ученикам: *Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28:19); *кто будет веровать и креститься, спасен будет* (Мр. 16:16). **По прямому повелению Учителя ученики стали проповедовать и принимать уверовавших в общину через Крещение.** Именно Крещение – погружение в воду – стало тем актом, который знаменовал собой вступление в Церковь, именно Крещение открывало путь к участию в Евхаристии, к полноценному участию в церковной жизни.

Уже в апостольские времена Крещению предшествовало оглашение. При жизни апостолов оно чаще всего было кратким и не продолжалось более нескольких часов или нескольких дней. В Деяниях рассказывается о евнухе, вельможе царицы эфиопской, который ехал на колеснице и читал книгу пророка Исаии в том месте, где говорится о Мессии (Ис. 53:7-8). Апостол Филипп, подойдя к колеснице, спросил: *Разумеешь ли, что читаешь?* Евнух ответил вопросом на вопрос: *Как могу разуместь, если кто не наставит меня?* И попросил Филиппа сесть вместе с ним. Тогда Филипп *отверз уста свои и, начав от сего Писания, благовествовал ему об Иисусе.* Между тем они подъехали к воде, и евнух сказал: *Вот вода, что препятствует мне креститься?* Филипп ответил: *Если веруешь от всего сердца, можно.* Евнух сказал: *Верую, что Иисус Христос есть Сын Божий.* И они сошли в воду, и Филипп крестил евнуха, после чего Дух Святой сошел на него, а Филипп сделался невидим (Деян. 8:27-39).

В данном случае оглашением была беседа Филиппа об Иисусе на основе пророчеств Священного Писания. В других случаях, описанных в Деяниях, Крещению также предшествует проповедь – либо индивидуальная, либо публичная. В Кесарии, в доме Корнилия сотника, Петр проповедует об Иисусе, и когда он еще продолжает говорить, Дух Святой сходит на всех присутствующих. Тогда Петр говорит: *Кто может запретить креститься водою тем, кто, как и мы, получили Святого Духа?* И тотчас повелевает всем креститься во имя Иисуса Христа (Деян. 10:25-48). Апостол Павел в Филиппах беседует с группой женщин, собравшихся в молитвенном доме: одна из них уверовала и крестилась вместе с домашними своими (Деян. 16:13-14).

В рассказе об обращении Павла (Деян. 9:3-19) катехизическая беседа не упоминается, однако это не

значит, что ее не было: пришедший к нему апостол Анания, которому Бог повелел крестить Павла, вполне мог перед Крещением беседовать с ним. Кроме того, после Крещения Павел пробыл несколько дней в обществе учеников Иисуса в Дамаске, что, вероятно, свидетельствует о продолжении его катехизации уже после принятия им Крещения. Отметим, что оглашение в апостольскую эпоху не обязательно завершалось Крещением: нередко апостолы оставались в доме новокрещеного для того, чтобы беседой укрепить его в вере (Деян. 10:48; 16:15).

Об оглашении упоминает и «Дидахи» – первый христианский памятник, содержащий указание на порядок Крещения:

А что касается Крещения, крестите так: преподав наперед все это вышесказанное[27], крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа в живой воде. Если же нет живой воды, окрестите в иной воде, а если не можешь в холодной, то в теплой. Если же нет ни той, ни другой, то возлей воду на голову трижды во имя Отца и Сына и Святого Духа. А пред Крещением пусть постятся крещающий и крещаемый и, если могут, некоторые другие, крещаемому же повели поститься наперед один или два дня[28].

Это описание подтверждает, что на рубеже I и II веков Крещению предшествовало оглашение (на что указывают слова «преподав наперед все это»). Из «Дидахи» мы узнаем также, что в Крещении, по заповеди Христа, использовалась тринитарная формула. Крестили в живой, то есть проточной воде (в реках, озерах). Впрочем, допускалось и Крещение посредством обливания. Памятник упоминает о посте перед Крещением – традиции, впоследствии утраченной.

Значительно более подробное описание Крещения мы находим в «Апостольском предании» Ипполита Римского. Этот памятник свидетельствует о том, что в III веке оглашение продолжалось в течение длительного времени, причем оглашаемые не только посещали катехизические беседы, но и должны были засвидетельствовать свое соответствие христианским нравственным нормам.

Когда будут определены намеревающиеся принять Крещение, пусть исследуется их жизнь: жили ли они честно, пока были оглашенными, почитали ли вдов, посещали ли они больных, совершали ли добрые дела? И когда те, которые привели их, засвидетельствуют о каждом: «Он поступал именно так», то пусть слушают Евангелие[29].

Таким образом, за каждого из оглашенных поручается кто-либо из членов общины, на ком лежит обязанность подтвердить нравственное соответствие кандидата. Выражение «пусть слушают Евангелие», очевидно, указывает на то, что готовящиеся к Крещению допускаются к присутствию на литургии оглашенных, за которой читается Евангелие.

В течение всего периода подготовки к Крещению на каждого из оглашенных возлагаются руки, а накануне Крещения, которое совершается в субботу, епископ совершает чин «заклинания» злых духов:

Со времени же, когда они были отделены, на них ежедневно возлагаются руки, пока заклинают их. Когда приближается день, в который они будут крещены, епископ заклинает каждого из них, чтобы узнать, чист ли он. Если кто-нибудь из них недостоин или нечист, то пусть он располагается отдельно, так как не слушал Слово с верой, ибо невозможно, чтобы чужой укрывался всегда. Пусть наставляют тех, которые должны креститься, чтобы они приготовлялись (и были свободны), а в пятый день недели омывались. Готовящиеся ко Крещению в канун субботы пусть постятся, а в субботу те, кто примет Крещение, пусть соберутся по указанию епископа в одно место. Всем им повелевается, чтобы они молились и преклонили колени. И, возлагая на них руку свою, пусть он заклинает всяких чуждых духов, чтобы они убежали от них и уже не возвращались в них. По окончании заклинания пусть он дует им в лицо и пусть осенит им лоб, уши и ноздри и поднимает их, и пусть они бодрствуют всю ночь, и да читается им, и да наставляются[30].

Обряд заклинания, как видим, имеет двоякий смысл: с одной стороны, он отгоняет от крещаемого чуждых духов, с другой – помогает выявить, кто из крещаемых чист, а кто «недостоин или нечист» (очевидно, имеется в виду одержимость демонами). Как и в «Дидахи», упомянут пост перед Крещением. Ночь накануне Крещения оглашенные должны проводить в молитве, не выходя из храма. Рано утром, «ко времени пения петуха», епископ совершает молитву над водой. Вода «должна быть проточная из источника или текущая с высоты». Если же есть «постоянная и срочная необходимость», то можно «пользоваться той водой, которая есть»[31]. Последнее указание сходно с тем, что мы встретили в «Дидахи»: Крещение в проточной воде является нормой, но в случае необходимости можно использовать любую воду.

Дальнейшее описание содержит множество драгоценных деталей, свидетельствующих о том, как

Таинство Крещения совершалось в раннехристианской Церкви:

Облачитесь в одежды и в первую очередь крестите детей. Все те, которые могут говорить о себе, пусть говорят. За тех же, которые не могут говорить о себе, пусть говорят их родители или кто-нибудь из родственников. Затем крестите мужчин и, наконец, женщин, после того как все они расплетут свои волосы и снимут золотые и серебряные украшения, имеющиеся на них, и пусть никто не берет с собою при вхождении в воду посторонней вещи. В установленное для Крещения время епископ пусть вознесет благодарение над елеем, который содержится в сосуде и называется елеем благодарения. И он берет также другой елей, который заклинает и называет елеем заклинания. Диакон же приносит елей заклинания и становится по левую руку пресвитера, а другой диакон приносит елей благодарения и становится справа от пресвитера. Когда пресвитер принимает каждого из приступающих к Крещению, пусть повелевает ему отречься, говоря: «Отрекаюсь от тебя, сатана, и от всего твоего служения и от всех дел твоих». После же того, как каждый отречься, пусть он (пресвитер) помажет его елеем заклинания, говоря ему: «Всякий дух да удалится от тебя». И, таким образом, пусть представляет его обнаженным епископу или пресвитеру, который стоит у воды и крестит[32].

Из этого описания явствует, что Крещение было массовым, причем участвовали в нем не только взрослые, но и дети, включая младенцев, не умеющих говорить. Присутствовали родители и родственники крещаемых. Чин Крещения возглавлялся епископом, но участвовали в нем пресвитеры и диаконы. Священнослужители совершали Крещение в специальных облачениях; крещаемые, напротив, снимали с себя драгоценности и подходили к воде обнаженными. Само Крещение (погружение) совершал епископ или пресвитер, однако в воду вместе с крещаемым сходил диакон. Крещение совершалось в три погружения:

Диакон тоже пусть спустится с ним таким образом в воду. Когда крещаемый войдет в воду, то совершающий Крещение пусть возложит на него руку, говоря так: «Веруешь ли ты в Бога Отца Всемогущего?» И тот, кто крещается, пусть говорит: «Верую». И тотчас имеющий руку на голове его пусть погружает его один раз. И после этого пусть он говорит: «Веруешь ли ты в Иисуса Христа, Сына Божия, рожденного от Духа Святого и от Девы Марии, распятого при Понтии Пилате, и умершего (и погребенного), и воскресшего в третий день живым из мертвых, и вознесшегося на небеса, и сидящего одесную Отца, и паки грядущего судить живых и мертвых?» И когда он ответит: «Верую», то пусть погружает его во второй раз и пусть снова скажет: «Веруешь ли ты в Духа Святого и во Святую Церковь и в воскресение плоти?» И крещаемый пусть говорит: «Верую». И тогда пусть погружает его в третий раз. И после того, как выйдет он из воды, пусть пресвитер помажет его освященным елеем, говоря: «Помазываю тебя святым елеем во имя Иисуса Христа». И после того, как крещаемые оботрутца и наденут свои одежды, пусть они войдут в церковь[33].

В завершение Таинства епископ возлагал руку на голову крещаемого, а затем помазывал его «елеем благодарения»:

Епископ же, возлагая руку на них, пусть возглашает, говоря: «Господи Боже, соделавший сих достойными отпущения грехов через омовение возрождения, сделай их достойными наития Духа Святого, пошли на них Свою благодать, чтобы они служили Тебе согласно Твоей воле, ибо Тебе слава подобает, Отцу и Сыну со Святым Духом во Святой Церкви и ныне и во веки веков. Аминь». После этого, наливая освященный елей себе в руку и возлагая ее на голову (крещаемого), пусть говорит: «Помазываю тебя святым елеем, во (имя) Господа Отца Всемогущего и Иисуса Христа и Святого Духа». И, помазывая его лоб, он (епископ) пусть дает ему лобзание и говорит: «Господь с тобою». И помазанный пусть говорит: «И со духом твоим». И так пусть совершает над каждым в отдельности. И с этого времени пусть молятся они вместе со всем народом. Молиться же с верными прежде, чем они исполнят все это, они (крещаемые) не должны[34].

Обратим внимание на то, что у Ипполита упоминаются два вида елея – елей заклинания и елей благодарения. Первым помазывают пресвитеры, вторым – епископ. Перед помазанием елеем благодарения епископ читает молитву о ниспослании Духа Святого на новокрещеных. В IV веке «елей благодарения» станут называть «миром»; впоследствии чин миропомазания на православном Востоке выделится в отдельное Таинство, совершаемое вместе с Крещением (на Западе Миропомазание будет совершаться отдельно от Крещения).

О помазании после Крещения говорит и Тертуллиан, указывая на прямую связь между христианским помазанием, ветхозаветным помазанием на священство и служением Христа-Помазанника:

...Выйдя из купели, мы помазываемся благословенным помазанием по старинному наставлению, согласно которому обычно помазывались во священство елеем из рога, – с тех пор, как Аарон был помазан Моисеем и стал именоваться «Христом» от «хрисмы», что означает «помазание». Оно дало наименование и Господу,

превратившись в духовное помазание, ибо Бог Отец помазал Его Духом. Как сказано в Деяниях: *Ведь собрались на самом деле в этом городе против Сына Твоего, Которого Ты помазал* (Деян. 4:27). Так и у нас помазание протекает телесно, а результат получается духовный, каково и телесное действие Крещения, ибо мы погружаемся в воду, но результат – духовный, потому что мы освобождаемся от грехов[35].

В описании Ипполита отсутствует формула Крещения «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», однако, по-видимому, она подразумевается, поскольку три погружения, о которых упоминает Ипполит, совершались не молча, а с произнесением этой формулы. Это подтверждает современник Ипполита, священномученик Иустин Философ, описывая чин Крещения:

...Чтобы не оставаться нам чадами необходимости и неведения, но чадами свободы и знания, и чтобы получить нам отпущение прежних грехов – в воде именуется на хотящем возродиться и раскаявшемся во грехах имя Отца всего и Владыки Бога. Это одно имя произносит тот, кто ведет приемлющего омовение к купели, потому что никто не может произнести имя неизреченного Бога... А омовение это называется посвящением, потому что посвящаются умом те, которые познают это. И при имени Иисуса Христа, распятого при Понтии Пилате, и при имени Духа Святого, который через пророков предвозвестил все относящееся к Иисусу, омывается просвещаемый[36].

Крещение называется «посвящением» также в «Апостольских постановлениях» (IV в.), где в главе «Об образе жизни, благодарении и посвящении христианском» содержатся следующие предписания:

О Крещении, епископ или пресвитер... говорим, чтобы ты крестил так, как постановил нам Господь, говоря: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» – Отца пославшего, Сына пришедшего, Утешителя свидетельствовавшего. Но прежде помажь святым елеем, потом погрузи в воду и напоследок запечатлей святым миром, чтобы помазание было причастием Святого Духа, вода – знаком смерти, а мир – печатью заветов. Если же нет ни елея, ни мира, то достаточно воды и для помазания, и для печати, и для исповедания умершего или умирающего. А до Крещения пусть крещаемый попостится...[37]

В этом тексте с причастием Святого Духа отождествляется елей перед погружением в воду, а не мир после погружения. Слова о достаточности одной воды относятся, как явствует из контекста, к Крещению находящегося на пороге смерти. В этом исключительном случае древняя Церковь признавала действительным Крещение, совершенное мирянином.

Согласно «Апостольским постановлениям», Крещение должно предваряться длительным оглашением, в ходе которого готовящийся к Крещению должен быть «наставлен в ведении о Нерожденном, в познании о Сыне Единородном, в убеждении о Святом Духе». Оглашение должно включать полный курс истории Ветхого Завета: «Пусть узнает, почему создан мир и почему человек поставлен гражданином мира. Пусть изучит природу свою и узнает, какова она. Пусть узнает, как Бог наказал злых водою и огнем... Пусть узнает также, как промысляющий Бог не отвратился от рода человеческого, но во все времена призывал его от заблуждения и суетности к познанию истины». Когда курс оглашения закончен, епископ или священник возлагает на него руку и молится о том, чтобы Бог спас этого человека, очистил от всякой скверны плоти и духа, дабы сподобиться ему «бани пакибытия». После этого оглашенному предлагается курс новозаветной истории – «учение о вочеловечении Господа и о Его страдании, воскресении из мертвых и вознесении»[38]. Таким образом, огласительный курс делится на две части: ветхозаветную и новозаветную, разделенные молитвой епископа с возложением рук на оглашенного.

По окончании обеих частей огласительного курса крещаемый должен вслух сказать: «Отрекаюсь от сатаны, и дел его, и гордыни его, и служения его, и ангелов его, и измышлений его, и всех, кто под ним»[39]. Затем крещаемый сочетается со Христом, произнося краткий Символ веры, начинающийся словами: «И сочетаюсь со Христом, и верую и погружаюсь во Единого Нерожденного, единого истинного Бога Вседержителя, Отца Христа, Творца и Создателя всего, из Которого всё; и в Господа Иисуса Христа, Единородного Сына Его, Первородного всей твари...»[40] По содержанию этот символ веры напоминает известный нам Никео-Цареградский символ.

После произнесения Символа веры крещаемый «приходит к помазанию елеем». Елей же «благословляется первосвященником во оставление грехов и в предуготовление Крещения». Далее совершается освящение воды: священник читает молитву, по содержанию сходную с евхаристической анафорой и содержащую благодарение за всю историю домостроительства спасения человека. Благословение воды совершается произнесением слов: «Призри с небес и освяти воду сию; дай же благодать и силу, чтобы погружающийся, по заповеди Христа Твоего, Ему сораспялся и соумер, и спогребся, и совосстал в усыновление, которое в Нем, умер для греха, ожил же для правды»[41].

После освящения воды священник погружает крещаемого в воду во имя Отца и Сына и Святого Духа, а затем помазывает его миром. В завершение Таинства Крещения священник произносит молитву «Отче наш», а затем еще одну молитву, в которой просит Бога даровать ему «тело нескверное, сердце чистое, ум бодрый, разум незаблудный»[42].

Весьма похожий чин оглашения и Крещения описан в «Огласительных поучениях» святителя Кирилла Иерусалимского, отражающих крещальную практику Иерусалима IV века. Сам корпус «Огласительных поучений» является не чем иным, как серией бесед о христианской вере, преподаваемых оглашенным. Беседы эти основаны на Иерусалимском символе веры, текстуально близком к Никейскому символу, и представляют собой его последовательное толкование. Цикл бесед делится на две части: первая часть (поучения огласительные) произносится до Крещения, вторая (поучения тайноводственные) сразу же после него. Вторая часть цикла посвящена изложению учения о Таинствах Крещения и Евхаристии. Такое деление цикла обусловлено тем, что считалось неправильным раскрывать смысл этих таинств оглашенным, поскольку понимание этого смысла невозможно без содействия Святого Духа, подаваемого в Крещении[43]. Оглашенные могли слушать Евангелие, изучать христианские догматы на основе Символа веры, присутствовать на «литургии слова», но им не разрешалось участвовать в литургии верных и слушать объяснение таинств Крещения и Евхаристии.

Обычным временем для оглашения была Четыредесятница – пост перед Пасхой, и само оглашение – произнесение тематических бесед о христианской вере – могло длиться около месяца. Златоуст упоминает о тридцати днях оглашения[44]; корпус огласительных поучений Кирилла Иерусалимского включает 19 бесед, на произнесение которых, вероятно, тоже требовалось около месяца. Тайноводственные поучения произносились после совершения Таинства Крещения, на пасхальной неделе.

Чинопоследование Таинства Крещения Кирилл излагает в 1-м и 2-м Тайноводственных поучениях. Таинство это начиналось в притворе храма, где оглашенные, стоя лицом к западу, отрицались сатаны. Формулой отречения были слова: «Отрицаюсь тебя, сатана, и всех дел твоих, и всей гордыни твоей, и всего служения твоего»[45]. После этого крещаемые обращались к востоку и произносили вероисповедную формулу: «Верую в Отца и Сына и Святого Духа, и в единое Крещение покаяния»[46]. Далее крещаемых вводили в храм, и они снимали одежды, оставаясь обнаженными[47]. Следовало помазание «елеем закликательным, от верха головы даже до ног»[48]. Затем крещаемые приводились к купели Крещения; их спрашивали, веруют ли они в Отца и Сына и Святого Духа; за исповеданием веры следовало троекратное погружение[49].

В 3-м Тайноводственном слове излагается последование Миропомазания. Оно совершалось сразу же после троекратного погружения: Кирилл называет его «изображением Святого Духа»[50]. Мир освящается молитвой с призыванием Святого Духа[51]. Миром помазывается чело, уши, ноздри и грудь[52].

Подробное описание чинопоследования Таинства Просвещения (Крещения) мы находим в трактате Дионисия Ареопагита «О церковной иерархии». Здесь, во-первых, говорится о том, как происходило занесение в списки оглашенных. По словам Ареопагита, желающий креститься сначала приходит к одному из христиан и просит, чтобы тот отвел его к иерарху (епископу). Последний сначала совершает благодарственную молитву, а затем «созывает в священное собрание весь священный чин для содействий себе и для сопразднования спасению человека, а одновременно и для благодарения божественной благодати». Затем поется «какая-либо песнь, находящаяся в слове Божиим», после чего иерарх целует престол, выходит к пришедшему и спрашивает, ради чего он пришел. Когда же он, по наставлению восприемника, осудит безбожие и станет просить о Крещении, тогда иерарх «внушает ему, что обращение его должно быть все совершенное, как обращение к Богу все совершенному и непорочному». Наконец, «раскрыв ему богоугодный порядок жизни и спросив, будет ли он так жить, после обета со стороны вопрошаемого возлагает на голову его руку и, запечатлев крестным знаменем, повелевает иереям записать имя этого мужа и его восприемника»[53].

Далее описываются обряды отречения от сатаны и сочетания со Христом, а затем помазание елеем, освящение воды и Крещение:

...(Епископ) через священнослужащих разрешает просвещаемого и снимает с него верхние одежды. Потом, поставив его лицом на запад с простертыми руками, обращенными к той же стороне, повелевает ему трижды дунуть на сатану и вслед за этим произнести слова отрицания. После того, трижды спросив его, отрицается ли он, когда тот трижды произнесет отрицание, иерарх обращает его к востоку, и, тогда как он возводит к небу очи и простирает руки, иерарх повелевает ему сочетаться с Христом... Совершив это, иерарх опять требует от крещаемого троекратного исповедания и, когда тот троекратно повторит это исповедание, помолившись, благословляет его и возлагает руки. Затем служители снимают с него одежды, а священники приносят святой елей помазания. Иерарх, начав помазание троекратным запечатлением крещаемого и потом

передав его иереям для помазания всего тела, сам идет к матери сыноположения[54] и, освятив воду ее священными призываниями, совершив ее тремя крестовидными возлияниями всеосвященного мира и равночисленно со всесвященным возлиянием мира воспев священную песнь вдохновения богодухновенных пророков, повелевает привести крещаемого. Когда один из иереев возгласит по записи имя самого крещаемого и восприемника его, то крещаемый вводится иереями в воду и подводится под руку иерарха. А иерарх, стоя на возвышенном месте, когда иереи снова близ воды провозгласят вслух имя крещаемого, трижды погружает его, возглашая при трех погружениях и возведениях тройственную ипостась божественного блаженства[55].

Из этого описания следует, что чин оглашения совершал епископ: он задавал вопросы крещаемому, обращая его сначала к западу, потом к востоку. Епископ же освящал воду и начинал помазание елеем; заканчивали помазание священники. К купели Крещения подводили крещаемого пресвитеры, а само Крещение совершал епископ, «стоя на возвышенном месте» (то есть, во всяком случае, не спускаясь вместе с крещаемым в купель). Из описания следует, что при Крещении присутствовала вся церковная община.

О роли диаконов при совершении Таинства Крещения автор Ареопагитского корпуса говорит:

...При священном богорождении диаконы совлекают с присутствующего прежнюю одежду, а потом и разрешают, поставляют для отрицания лицом к западу и затем обращают опять к востоку... внушая через это приступающим всецелое отложение одеяния прежней жизни, показывая мрачность прежнего образа жития и научая их по отречении от мрака подчинить себя тому, что светотворно[56].

Если в апостольский век Крещение было простым по форме (оно предполагало схождение в воду и возложение рук апостолов), то уже в III веке оно превратилось в торжественный религиозный ритуал, совершавшийся с участием всей церковной общины. В III-IV веках существовал обычай совершать Таинство Крещения в дни великих праздников. Тертуллиан указывает, что наиболее подходящими днями для принятия Крещения являются Пасха и Пятидесятница[57]. Василий Великий также говорит о Крещении на Пасху: «Какое время так удобно для Крещения, как день Пасхи? Ибо этот день есть память воскресения; а Крещение есть сильное средство к воскресению. Посему в день воскресения примем благодать воскресения»[58]. Григорий Богослов упоминает Богоявление, Пасху и Пятидесятницу в качестве дней, когда принято креститься, однако считает, что для принятия Крещения необязательно дожидаться одного из этих праздников[59].

Обычай совершать Крещение исключительно по великим праздникам не был общераспространенным. У Ипполита Римского, как мы видели выше, говорится о Крещении по субботам. Тертуллиан подчеркивает, что «всякий день есть день Господень; всякий час, всякое время удобно для Крещения: если в отношении торжественности и есть различие, то для благодати это не имеет значения»[60]. Тертуллиану вторит Григорий Богослов: «Всякое время прилично для омовения»[61].

В Таинстве Крещения, отмечает Тертуллиан, человек погружается в воду «с простотой», «без пышности, без каких-либо особых приготовлений и, вдобавок, без расходов»[62]. Эти слова указывают на то, что, наряду с массовыми Крещениями в дни великих праздников, допускались и менее торжественные по форме «частные» Крещения, совершавшиеся, очевидно, по договоренности, в удобное для крещаемых время. Важно и упоминание о том, что Крещение совершалось «без расходов»: хотя древняя Церковь поощряла добровольные пожертвования, за совершение таинств плата не взималась.

В течение последующего периода происходило постепенное отделение Крещения от общественного богослужения, превращение его в одну из «частных» треб, совершаемых в присутствии узкого круга людей во внебогослужбное время. Чин оглашения тоже постепенно сокращался и в конце концов оказался сведенным к одному достаточно короткому чинопоследованию, совершаемому, как правило, непосредственно перед Крещением. Сокращение и фактическое исчезновение продолжительных огласительных курсов перед Крещением было связано, прежде всего, с всеобщим распространением практики Крещения младенцев в период с IV по VIII век. В христианском обществе, будь то на Востоке или на Западе, Крещение взрослых стало событием экстраординарным, тогда как Крещение младенцев стало общепринятой нормой.

Несмотря на это изменение внешней формы Крещения, его суть осталась неизменной с апостольских времен. Сохранились и все основные формообразующие элементы Таинства: оглашение, заклинание, отречение от сатаны, исповедание веры во Христе, помазание елеем, погружение в воду (или обливание водой) и епископское благословение (преподаваемое ныне в форме отдельного Таинства – Миропомазания). Многие молитвы и формулировки, используемые в таинстве Крещения в Православной Церкви, остались неизменными с III века. Более того, современное чинопоследование Таинства Крещения

полностью сохраняет форму Крещения взрослого человека, оставшуюся с тех времен, когда именно Крещение взрослых было наиболее распространенной формой Крещения.

Святоотеческое учение о Крещении

Отцы Церкви – как на Востоке, так и на Западе – уделяли большое внимание таинству Крещения. Первым серьезным богословским трактатом на данную тему стало сочинение Тертуллиана «О Крещении». В IV веке таинству Крещения посвящали отдельные трактаты или беседы святители Кирилл Иерусалимский, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский и Иоанн Златоуст. Разделы, посвященные Крещению, имеются в трактатах «О Таинствах» Амвросия Медиоланского и «Об обучении оглашаемых» блаженного Августина, в сочинении Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии», в «Тайноводстве» Максима Исповедника, в «Точном изложении православной веры» Иоанна Дамаскина и в целом ряде других сочинений. Несколько основных тем проходят красной нитью через все эти произведения святых отцов.

Прежде всего, христианские авторы говорят о значении воды как религиозного символа. Вода – «одна из тех стихий, которые в неформленном виде покоились у Бога прежде всякого благоустроения мира»[63]. По словам Писания, *В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была невидима и неустроена и тьма была над бездной, и Дух Господень носился над водами* (Быт. 1:1–2). Эти слова, говорит Тертуллиан, указывают на чистоту воды как стихии, более приятной Богу, чем прочие существовавшие тогда стихии: «Ведь и тьма тогда была еще полной и безобразной, без украшения звезд, и бездна печальной, и земля неухоженной, и небо неприглядным. Одна только влага – вещество всегда совершенное, приятное, простое, само по себе чистое – была достойна носить Бога»[64].

Вода есть стихия жизни: именно она «первой произвела живое, дабы при Крещении не казалось удивительным, что воды могут оживлять»[65]. Благодаря присутствию Святого Духа «природа вод, освященная святым, и сама получила способность освящать»[66]. Эту способность вода вновь приобретает всякий раз, когда над ней совершается призывание Духа Святого:

Любая вода благодаря преимуществам своего происхождения получает Таинство освящения, как только призывается Бог. Ибо тотчас же сходит с небес Дух и присутствует в водах, освящая их Собою, и они, освященные таким образом, впитывают силу освящения[67].

В Ветхом Завете вода рассматривается не только как стихия жизни, но и как орудие смерти, свидетельством чего является библейский рассказ о потопе. Этот рассказ с апостольских времен воспринимается как один из прообразов Крещения (1 Пет. 3:20–21). По словам Григория Богослова, «благодать и сила Крещения не потопляет мир, как некогда, но очищает грех в каждом человеке и совершенно смывает всякую нечистоту и скверну, привнесенную повреждением»[68].

Другой ветхозаветный прообраз Крещения – переход Моисея через Чермное море: «Израиль крестился в Моисея в облаке и в море (1 Кор. 10:2), тебе давая прообразы и показывая ту истину, которая открылась в последние времена»[69]. Но повествование о потопе воспринимается так же, как прообраз Пасхи: не случайно оно читается накануне Пасхи в числе пятнадцати ветхозаветных чтений. Двойное значение символизма потопы в христианской традиции в значительной мере объясняется тем, что празднование Пасхи было одновременно днем Крещения.

Крещение Иоанново тоже прообразовало христианское Крещение. Разница между этими двумя Крещениями соответствует разнице между символом и реальностью, между прообразом и его осуществлением. По словам Василия Великого, «Иоанн проповедовал Крещение покаяния, и к нему выходила вся Иудея. Господь проповедует Крещение усыновления... То – Крещение предначинательное, а это – совершительное; то – удаление от греха, а это – усвоение Богу»[70].

Крещение есть договор, или завет, между человеком и Богом. По словам Григория Богослова, «под силой Крещения нужно понимать завет с Богом о вступлении в другую жизнь и о соблюдении большей чистоты»[71]. Иоанн Златоуст описывает Крещение, используя знакомый всякому византийцу образ договора при покупке раба. Когда мы покупаем рабов, говорит Златоуст, мы спрашиваем самих продаваемых, желают ли они оставить прежних хозяев и поступить к нам в услужение; только получив их согласие, мы отдаем за них плату. Точно так же и Христос спрашивает нас, желаем ли мы отказаться от власти диавола и «не принуждает тех, которые не хотят служить Ему». Платой же за освобождение наше от рабства диаволу

является та дорогая цена (1 Кор. 7:23), которую Он заплатил Своей кровью. После этого «Он не требует от нас ни свидетелей, ни рукописаний, но довольствуется одним изречением, и если ты скажешь от души «отрицаюсь от тебя, сатана, и от гордыни твоей», то Он получил все»[72].

Только то Крещение действительно, которое совершено во имя Святой Троицы. Исповедание Троицы является необходимым атрибутом Крещения, его богословской сердцевиной. Григорий Богослов говорит: «Храни исповедание веры в Отца и Сына и Святого Духа. Это исповедание вверяю тебе ныне, с ним погружу в купель, с ним и изведу. Его даю тебе на всю жизнь товарищем и заступником, – единое Божество и единую Силу»[73]. По словам Иоанна Дамаскина, мы «крестимся во Святую Троицу потому, что самое крещаемое имеет нужду в Святой Троице как для своего бытия, так и для своего сохранения, и невозможно, чтобы три Ипостаси не пребывали вместе одна в другой, ибо Святая Троица нераздельна»[74].

Прообразом тринитарного Крещения является трехдневное пребывание Христа во чреве земли после Его крестной смерти. Обращаясь к новокрещеным, Кирилл Иерусалимский говорит:

Вы произнесли спасительное исповедание, и погружались троекратно в воду, и снова выходили из воды. И здесь вы символически изобразили тридневное погребение Христово. Ибо как Спаситель три дни и три ночи пробыл во чреве земли (Мф. 12:40), так и вы первым выходом из воды изобразили первый день, а погружением первую ночь Христова пребывания в земле... И в то же время вы умирали и рождались, и эта спасительная вода была вам и гробом, и матерью. И одновременно произошло и то, и другое: и смерть, и рождение ваше вместе сочетались[75].

В то же время, как подчеркивает Иоанн Дамаскин, смерть Христа совершилась не трижды, а однажды, поэтому и креститься нужно только однажды[76]. Отсюда недопустимость перекрещивания: те, которые крестятся вторично, «снова распинают Христа». С другой стороны, те, кто не крещены во имя Святой Троицы, должны креститься заново, так как их Крещение недействительно[77].

По учению апостола Павла, Крещение в смерть Христову соединяет человека с Христом «подобием воскресения»: умирая для греха, человек воскресает для «обновленной жизни» (Рим. 6:2-11). Этот образ развивают, в числе других отцов церкви, Василий Великий и Григорий Богослов:

Умрем, чтобы нам жить; умертвим мудрование плотское, которое не может покоряться закону Божию, чтобы родилось в нас крепкое мудрование духовное, следствием которого бывают обычно жизнь и мир (Рим. 8:6-7). Спогребемся умершему за нас Христу, чтобы и восстать с Виновником нашего воскресения[78].

С Христом спогребаемся чрез Крещение, чтобы с Ним и восстать; с Ним низойдем, чтобы с Ним взойти и на высоту; с Ним взойдем, чтобы и прославиться с Ним![79]

Различные наименования Крещения свидетельствуют о многообразном действии его на душу человека:

Мы называем его даром, благодатью, Крещением, помазанием, просвещением, одеждой нетления, баней пакибытия, печатью... Называем даром как подаваемое тем, которые ничего не привносят от себя; благодатью – как подаваемое тем, которые являются еще и должниками; Крещением – потому что в воде погребается грех; помазанием – как нечто священническое и царское, потому что помазывались цари и священники; просвещением – как светлость; одеждой – как прикрытие стыда; баней – как омовение; печатью – как знак господства[80].

По словам Григория Богослова, «Писание показывает нам тройное рождение: рождение плотское, рождение через Крещение и рождение через воскресение». Рождение через Крещение полностью освобождает человека от греха: оно «истребляет страсти, уничтожает всякий покров, лежащий на нас от рождения, и возводит к горней жизни»[81].

Продолжая тему второго рождения, Иоанн Златоуст утверждает, что Крещение не только освобождает от всякого греха, но и делает принявших его святыми:

Мы обещали вам показать, что входящие в эту купель очищаются от всякой порочности, но речь наша показала больше – то есть что они делаются не только чистыми, но и святыми и праведными... Как искра, упавшая в необъятное море, тотчас угасает и, поглощенная множеством воды, становится невидимой; так и вся человеческая порочность, погружаясь в купель божественного источника, потопляется и исчезает скорее и легче той искры... Эта купель... не просто отпускает нам грехи, не просто очищает нас от прегрешений, но делает это так, что мы как бы вновь рождаемся. Подлинно, она вновь создает и устроит нас, не образовывая нас опять из земли, но созидавая из другой стихии, из естества водного: она не просто оmyвает сосуд, но снова

переплавляет его всецело... Как кто-нибудь, взяв золотую статую, загрязнившуюся от долгого времени, дыма, пыли и ржавчины, и перелив ее, возвращает ее нам более чистой и блестящей, так и Бог, взяв наше естество, поврежденное ржавчиной греха, затемненное великим дымом прегрешений и потерявшее ту красоту, которую Он даровал ему вначале, снова переплавляет его, ввергая в воды, как в горнило, и вместо огня ниспосылая благодать Духа, и потом выводит нас оттуда пересозданными, обновленными и в блеске не уступающими лучам солнечным, сокрушив ветхого человека и устроив нового, более светлого, нежели прежний[82].

Освобождая человека от греха, Крещение в то же время обязывает его к тому, чтобы он не возвращался к прежним грехам. По словам Григория Богослова, за Крещением должно следовать изменение образа жизни с целью изживания «ветхого человека» и всецелого духовного обновления: «Очистим, братья, всякий член тела, освятим всякое чувство; да не будет в нас ничего несовершенного, ничего от первого рождения; не оставим ничего непросвещенного»[83]. Иоанн Златоуст говорит:

Эта купель может отпустить прежние грехи; но не мал страх и не маловажна опасность, чтобы мы опять не возвратились к ним, и чтобы врачевство не сделалось для нас язвой. Чем больше благодать, тем строже будут наказаны те, которые после того согрешают... Если имеешь привычку делать что-нибудь... непозволительное, истреби эту привычку, чтобы после Крещения опять не возвращаться к ней. Купель уничтожает грехи, а ты исправь привычку, чтобы, когда уже наведены краски и воссиял царский образ, тебе не изгладить его и на данную тебе от Бога красоту не наложить раны и рубцы[84].

В этих словах устанавливается связь между Таинством Крещения и нравственным обликом принявшего его. Если Крещению не соответствует добродетельная жизнь, то оно может оказаться для человека бесполезным. Наиболее лаконично эту мысль высказывает Кирилл Иерусалимский: «Вода тебя примет, но Дух не примет»[85]. В другом месте святой Кирилл говорит: «Если ты лицемеришь, то люди крестят тебя ныне, а Дух не крестит тебя»[86]. О том же говорит и святитель Григорий Нисский:

Если баня (Крещения) послужила телу, а душа не свергла с себя страстную нечистоту – напротив того, жизнь после тайнодействия сходна с жизнью до тайнодействия, то, хотя смело будет сказать, однако же скажу и не откажусь, что для таких вода остается водой, потому что в рождаемом нисколько не оказывается дар Святого Духа...[87]

Отцы Церкви уделяют внимание различным внешним аспектам Таинства Крещения. По словам Григория Богослова, не имеет значения, совершает ли Крещение епископ, митрополит или священник[88]. Благодать Таинства зависит не от даты, не от места и не от личных достоинств крещаемого: всякий священник пригоден для совершения Таинства, если только он не отлучен от Церкви. Вообще все различия – между добродетельным и несовершенным в нравственном отношении, между богатым и бедным, рабом и свободным – исчезают перед крещальной купелью:

Не суди судей, ты, нуждающийся в лечении, не разбирай достоинства очищающих тебя, не делай различий относительно тех, кто рождает тебя[89]. Один другого выше или ниже, но всякий выше тебя... Поэтому всякий пусть будет твоим крестителем. Ибо хотя бы один и превосходил другого по жизни, но сила Крещения равна; подобным же образом и к совершенству в вере приведет тебя всякий, воспитанный в той же вере. Не гнушайся, богатый, креститься вместе с бедным, благородный – с неблагородным, господин – с тем, кто до сих пор раб. Ты не смиришься настолько, насколько (смирился) Христос, в Которого крестишься ты сегодня, Который ради тебя и образ раба принял (Фил. 2:7). Со дня твоего изменения исчезли все прежние отличия: одинаковым образом все облакаются в Христа[90].

Трактаты отцов церкви, посвященные Крещению, наполнены увещаниями не откладывать Крещение до старости или до смертного часа. Необходимость таких увещаний была связана с распространенным в IV веке представлением о том, что, поскольку Крещение дарует очищение от грехов, его лучше всего принять перед смертью. Некоторые принимали Крещение лишь на смертном одре (классический пример – император Константин). Обращаясь к откладывающим Крещение, Василий Великий вопрошает:

Да и кто тебе твердо назначил предел жизни? Кто определил срок твоей старости? Кто у тебя достоверный поручитель за будущее? Не видишь ли, что смерть похищает и детей, увлекает и приходящих в возраст? Не один срок положен жизни. Для чего ждешь, чтобы Крещение было для тебя даром горячки, когда не в состоянии уже будешь произнести спасительные слова, а может быть, нельзя тебе будет и выслушать их ясно, потому что болезнь поселится в самой голове; когда не станет у тебя сил ни воздеть руки к небу, ни стать на ноги, ни согнуть колена для поклонения, ни научиться с пользой, ни исповедание проговорить твердо, ни с Богом сочетаться, ни от врага отречься, ни даже, может быть, с сознанием следовать за

порядком тайноводства, так что и присутствующие останутся в сомнении, ощутил ли ты благодать или бесчувствен к совершаемому; если даже и с сознанием примешь благодать, то будешь иметь у себя талант, однако же не принесешь на него прибыль?[91]

Вслед за Василием, Григорий Богослов настаивает на том, что человек должен спешить к Крещению, пока он еще в здравом уме, пока не болен смертельно, пока язык может произносить слова тайноводства. Зачем ждать предсмертных минут, зачем превращать праздник Крещения в погребальное омовение? Для Крещения всегда время, потому что смерть всегда близка[92]. Дьявол внушает человеку: «Дай мне настоящее, а Богу будущее, мне – юность, а Богу – старость». Но велика опасность несчастного случая и внезапной смерти: «или война погубила, или землетрясение раздавило развалинами, или море поглотило, или зверь похитил, или недуг свел в могилу, или крошка, застрявшая в горле... или чрезмерное употребление вина, или порыв ветра, или увлекшая за собой лошадь, или злонамеренно приготовленный яд... или судья бесчеловечный, или палач жестокий»[93].

Весьма красочно описывает Крещение на смертном одре Иоанн Златоуст, восхваляя тех, кто не дожидается смертного часа, чтобы принять Крещение:

Посему я и ублажаю вас еще прежде вступления вашего в тот священный брачный чертог, и не только ублажаю, но и хвалю ваше благоразумие, что вы приступаете к Крещению не при последнем дыхании... Те принимают Таинство на одре, а вы в недрах Церкви, общей всем нам матери; те – в скорби и слезах, а вы – в радости и веселье; те – со стенанием, а вы – с благодарностью; те – объятые сильной горячкой, а вы – исполняясь великого духовного удовольствия. Поэтому здесь все соответствует дару, а там все противоположно дару: там принимающие Таинство предаются великому сетованию и плачу, стоят кругом дети плачущие, жена, ударяющая себя по ланитам, друзья печальные, слуги обливающиеся слезами, вид всего дома уподобляется какому-то ненастному и мрачному дню; а если раскроешь самое сердце лежащего, то найдешь его скорбным более всего этого... Потом, среди такого смятения и беспокойства, входит священник, который для больного страшнее самой горячки, а для приближенных к больному ужаснее смерти, потому что прибытие священника считается знаком большей безнадежности, нежели голос врача, отчаивающегося в жизни больного, и источник вечной жизни кажется знаком смерти[94].

В IV веке был распространен обычай не принимать Крещение до достижения тридцатилетнего возраста или до завершения светского образования. При этом в пример приводили Христа, Который крестился в тридцатилетнем возрасте. В ответ на такое мнение Григорий Богослов (сам крестившийся в тридцатилетнем возрасте) говорит о том, что «Христовы дела преданы нам для того, чтобы служили некоторым образцом для наших действий, но совершенного сближения между ними быть не может». Христос Сам был властен в рождении и смерти, а для человека существует опасность умереть и не успеть родиться для новой жизни[95].

Какой возраст является наиболее подходящим для Крещения? На этот вопрос в разные эпохи и в разных регионах отвечали по-разному. Тертуллиан считал, что «учитывая особенности, характер и даже возраст каждой личности, полезнее помедлить с Крещением, особенно маленьких детей». Слова Христа о детях «Не возбраняйте им приходиться ко мне» (Мф. 19:14) Тертуллиан толкует весьма своеобразно:

Значит, пусть приходят, когда повзрослеют. Пусть приходят, когда учатся, когда будут научены, куда идти. Пусть станут христианами, когда смогли познать Христа. Что спешить невинному возрасту за отпущением грехов?.. Не меньше причин отложить Крещение и для безбрачных, подверженных еще искушениям: и для взрослых девиц и для безмужних вдов, пока они или не вступят в брак, или не укрепятся в воздержании. Если бы осознали всю значимость Крещения, то скорее опасались бы поспешности, чем промедления: непорочная вера не тревожится за свое спасение[96].

Василий Великий, напротив, считал, что юность – вполне подходящее время для Крещения: «Ты юн? Приведи в безопасность свою юность уздой Крещения. Миновали твои цветущие годы? Не утрать напутствия, не погуби охранительного средства, не рассчитывай на одиннадцатый час, как на первый; потому что и начинающему жизнь надо иметь пред очами кончину»[97].

Позволительно ли крестить младенцев? С точки зрения Тертуллиана, нет. Однако в IV веке начинает преобладать взгляд, согласно которому для Крещения необязательно ждать достижения сознательного возраста. Григорий Богослов пишет: «Есть у тебя младенец? Пусть не воспользуется этим зло, пусть с младенчества освятится он, с молодых ногтей посвящен будет Богу»[98]. В принципе Григорий не возражает против того, что Крещение должно быть сознательным, однако опасность внезапной смерти остается для него неопровержимым аргументом в пользу Крещения в младенчестве. Он считает, что трехлетний возраст, когда ребенок уже может осмысленно воспринимать происходящее, является оптимальным для принятия

Крещения. Отвечая на вопрос, следует ли крестить младенцев, которые не чувствуют ни вреда, ни благодати, он пишет:

Обязательно, если есть какая-либо опасность. Ибо лучше незаметно освятиться, чем уйти незапечатленным и несовершеннолетним... О прочих же выражаю такое мнение: дождавшись трехлетнего возраста, или немного раньше, или немного позже, когда можно уже слышать что-либо таинственное и отвечать, хотя и не сознавая полностью, однако запечатлевая (в памяти), – следует освящать души и тела великим Таинством посвящения. Ведь дело обстоит так: хотя дети начинают нести ответственность за свою жизнь, только когда разум в них возмужает и когда поймут они смысл Таинства... тем не менее оградиться купелью для них во всех отношениях гораздо полезнее из-за того, что могут внезапно приключиться с ними опасности, которые невозможно предотвратить[99].

Если в IV веке еще спорили об оптимальном возрасте для принятия Крещения и высказывались различные точки зрения по этому поводу, то впоследствии практика Крещения младенцев возобладала на всем христианском Востоке. С широким распространением этой практики было связано и изменение функций восприемников. Если во времена Иустина Философа основная функция восприемников заключалась в том, чтобы привести желающего креститься в церковь и засвидетельствовать его доброе поведение в течение периода оглашения, то впоследствии на восприемников стали возлагать миссию воспитания в вере младенцев, крещенных в бессознательном возрасте. Восприемники же отвечали на вопросы священника при совершении Таинства Крещения от лица крещаемого, если он не был еще способен говорить и рационально воспринимать окружающую действительность.

О Крещении младенцев и о роли восприемников говорит автор Ареопагитского корпуса в трактате «О церковной иерархии». Ареопагит полемизирует с теми, кто «находит достойным справедливого смеха, когда иерархи учат вещам божественным тех, которые не могут еще слышать, и понапрасну преподают священные предания тем, которые еще ничего не смыслят и, что еще будто бы смешнее, когда другие произносят за детей отрицания и священные обеты». Опровергая мнение противников Крещения младенцев, автор Ареопагитского корпуса пишет:

...Младенцы, будучи возводимы к Таинствам по священному законоположению, будут вводиться в священный порядок жизни, делаясь свободными от всякого нечестия и отдаляясь от жизни, чуждой святости. Приняв это во внимание, божественные наставники наши положили принимать младенцев по священному чину так, чтобы естественные родители приводимого ребенка передавали его какому-либо из посвященных в тайны учения божественного добродетельному руководителю, которым бы впоследствии дитя было руководимо, как богодарованным отцом и споручником священного спасения[100].

Участвуя в таинстве Крещения, восприемник как бы говорит: «Я даю обещание внушить этому младенцу, когда он будет входить в разум и в состоянии будет понимать священное, чтобы он отрицался всецело всего вражьего и исповедовал и исполнял на деле божественные обеты». Как заключает Ареопагит, «нет ничего страшного в том, что дитя руководится в божественном воспитании, имея у себя руководителя и священного восприемника, который вкореняет навык к божественному и хранит его непричастным всему вражескому» [101].

Общим местом святоотеческой литературы было утверждение о том, что это утверждение основывалось на словах Христа (Мр. 16:16). В то же время ответ на вопрос о судьбе лиц, которые не по своей воле умерли некрещеными, например, младенцев или не принявших Таинство «по неведению», не был однозначным. По словам Григория Богослова, такие лица «не будут праведным Судьей ни прославлены, ни осуждены на мучения как незапечатленные, но и невинные и скорее сами претерпевшие вред, чем нанесшие вред»[102]. Это, однако, не распространяется на тех, кто сознательно откладывает Крещение и умирает некрещеным по своей вине.

Без Крещения невозможно Спасение.

В святоотеческой традиции термин «крещение» употреблялся не только по отношению к таинству Крещения, совершаемому священником в церкви. В эпоху гонений (II–III вв.) некоторые из уверовавших во Христа принимали мученическую смерть, не успев креститься. В отношении таких людей Церковь верила, что Крещение кровью заменяло им сакраментальное Крещение:

Если оглашенный будет схвачен за имя Господне, то пусть он не сомневается в полноте своего свидетельства. Если же ему было причинено насилие и он был замучен, когда его грехи не были ему отпущены, то он будет оправдан. Ибо он принял Крещение своею кровью[103].

...Для нас существует еще и второе Крещение, также одно-единственное, а именно Крещение крови, о котором Господь, когда уже был крещен, говорит: «Я должен принять Крещение» (Лк. 12:50). Ибо Он пришел, как написал Иоанн, «водою и кровью» (1 Ин. 5:6), – чтобы водою креститься, а кровью быть прославленным. И затем сделал нас зваными благодаря воде, а благодаря крови – избранными. Эти два Крещения Он источает из раны пронзенного бока, поскольку веровавшие в Его кровь омылись водою, а омывшиеся водою пили Его кровь. Это и есть Крещение, которое заменяет даже не принятую купель и возвращает утерянную[104].

В христианских источниках последующего периода (IV-VIII вв.) термин «Крещение» начали употреблять и в других значениях. В частности, подвиг покаяния и Таинство исповеди стали называть «Крещением слезами». Иоанн Дамаскин насчитывает восемь значений, в которых термин «Крещение» употребляется в восточно-христианской литературе:

Первое Крещение было Крещение потопом для истребления греха. Второе – Крещение морем и облаком, ибо облако – символ духа, а море – воды. Третье – Крещение по закону (Моисееву), ибо всякий нечистый омывался водою, вымывал одежды и таким образом входил в стан. Четвертое – Крещение Иоаново... Пятое – Крещение Господне, которым Он Сам крестился... И мы крещаемся совершенным Крещением Господним, т. е. водою и Духом. Шестое – есть Крещение через покаяние и слезы, поистине многотрудное. Седьмое есть Крещение кровью и мученичеством, каким ради нас крестился и Сам Христос, – как самое славное и блаженное, которое не оскверняется последующими сквернами. Восьмое и последнее – не спасительное, но истребляющее порок, ибо после него порок и грех не будут уже иметь силы, и наказывающее бесконечно[105].

Обряды, предшествующие Крещению. Наречение имени

В современном Требнике Православной Церкви Таинству Крещения предшествуют несколько обрядов, совершаемых, как правило, отдельно от Крещения: молитвы первого дня, наречение имени в восьмой день, молитвы сорокового дня. Все эти обряды не были изначально частью Таинства Крещения и не входят в его состав. Они появились, когда нормой стало Крещение младенцев.

В первый день после рождения младенца священник читает над его матерью три молитвы. В этих молитвах он просит Бога исцелить мать младенца и восставить ее от одра болезни, сохранить ее «от всякаго дьявольскаго мучительства» и очистить от скверны, а младенца – сохранить «от всякия лютости, от всякия бури сопротивнаго, от духов лукавых, дневных же и noctных».

В восьмой день, по обычаю, совершается наречение имени младенцу. При этом священник читает следующую молитву:

Господи Боже наш, Тебе молимся и Тебе просим, да знаменается свет лица Твоего на рабе Твоем сем (имя), и да знаменается крест Единородного Сына Твоего в сердце и в помышлениях его... И даждь Господи, не отречену пребыти имени Твоему святому на нем, совокупляемем во время благопотребно Святей Твоей Церкви, и совершаемем страшными Тайнами Христа Твоего[106]...

Господи Боже наш, Тебе молимся и Тебя просим, да воссияет свет лица Твоего на раба Твоего сего (имя), и да знаменуется крест Единородного Сына Твоего в сердце и в помышлениях его... И сделай, Господи, чтобы имя Твое святое никогда не отходило от него и чтобы в нужное время он присоединился к Твоей Святой Церкви и причастился страшных Тайн Христа Твоего...

В наши дни имя является не более чем опознавательным знаком, необходимым для того, чтобы отличить одного человека от другого. Каждый человек имеет имя, однако изначальный смысл этого имени, как правило, не связан с личностью человека: нередко люди даже не знают, что означает их имя. Называя ребенка тем или иным именем, родители обычно выбирают из весьма ограниченного круга имен, более или менее употребительных в их культуре, причем обращают больше внимания на благозвучность имени, чем на его значение. Светские специалисты по «антропонимике» рекомендуют при выборе имени ребенку вообще не учитывать значение имени[107].

В древности дело обстояло иначе. К имени относились не просто как к опознавательному знаку или кличке, но как к таинственному символу, указывающему на основополагающие характеристики его носителя и находящемуся с ним в прямой связи. Человек в Ветхом Завете воспринимался по принципу «каково имя его, таков и он» (1 Цар. 25:25). Имя в Библии практически отождествляется с личностью его носителя: слава имени

означает славу его носителя, бесчестие имени означает утрату его носителем своего достоинства, гибель имени означает гибель его носителя[108]. Имени придавали почти магический смысл: кто владеет именем, обладает личностью его носителя[109]. Отсюда та важная роль, которую в Библии играет изменение имени. Оно означает утрату человеком самостоятельности, подчинение его тому, кто изменяет имя (4 Цар. 23:34; 24:17). В то же время изменение имени может означать вступление в более тесную связь с тем, кто меняет имя. Так, например, Моисей назвал Осию, сына Навина, Иисусом, прежде чем послать его в землю Ханаанскую во главе отряда «соглядатаев» (Числ. 3:17): с этим именем сын Навин не только поступает в подчинение к Моисею, но и становится его ближайшим помощником, а впоследствии и преемником.

Когда Сам Бог меняет человеку имя, это является знаком того, что человек утрачивает свою самостоятельность и становится рабом Бога, одновременно вступая в новые, более тесные отношения с Богом. Бог изменяет имя своим избранникам – тем, кому Он оказал доверие, кому поручил какую-либо миссию, с кем заключил завет. После того, как Бог заключил с Авраамом завет о рождении от него множества народов, Аврам становится Авраамом (Быт. 17:1-5), а его жена Сара становится Саррой (Быт. 17:15). Иаков получает имя Израиль («богоборец», или, по другому толкованию, «боговидец») после того, как боролся с Богом и Бог благословил его (Быт. 32:27-28).

Если получить от Бога имя означает подчиниться Богу, вступить на спасительный путь, ведущий к небу, то «сделать себе имя» (Быт. 11:4), напротив, значит воспротивиться Богу: это выражение указывает на греховное стремление людей выйти из подчинения Богу, достичь неба без помощи Божией.

В свете этого богословия имени становится понятно, почему в православной традиции наречение имени является церковным обрядом, предшествующим Крещению. Получение имени от священника – первая ступень на пути послушания Богу и Церкви, на который вступает христианин. На практике имя дается родителями, и священник лишь повторяет его на восьмой день по рождении младенца. Однако священник может и изменить данное родителями имя, особенно если оно нехристианское.

В Русской Православной Церкви существует обычай нарекать имена крещаемым в честь святых. Обычай этот существовал на Руси со времени принятия Русью христианства, и заимствован он был из Византии. Русские князья, потомки викингов, при Крещении получали имена греческих святых: Ольга была наречена Еленой, Владимир – Василием, Борис и Глеб – Романом и Давидом. В результате этого значительное число традиционных имен славянского происхождения вышло из употребления, и русские стали называть своих детей преимущественно греческими именами. Лишь некоторые славянские имена, принадлежавшие русским святым (которые сами были крещены с другими именами), вошли в реестр имен, нарекаемых в Русской Церкви перед Крещением.

В Греческой Церкви обычаю нарекать имя в честь святого не всегда следовали строго, и в современной Греции есть христиане, носящие такие имена, как «Панайотис», «Хрьстос»[110]. В Сербской Церкви распространены различные имена славянского происхождения, не связанные со святыми (Радослав, Радомир, Милка): небесным покровителем человека считается не святой, чье имя он носит, а тот святой, которого избирает своим покровителем семья человека. Таким образом, один святой считается небесным покровителем целой семьи; день его памяти называется днем «славы» и празднуется в семье с особой торжественностью.

В сороковой день по рождении младенца заканчивается период очищения матери после родов. Представление о послеродовой нечистоте перешло в христианскую Церковь из Ветхого Завета (Лев. 12:1-5; Лк. 2:22). В Библии понятие рождения неразрывно связано с понятием греха: «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50:7). Речь здесь идет вовсе не о греховности акта зачатия и рождения, как думают некоторые. Никакого антисексуального подтекста в Библии нет: напротив, в Ветхом Завете зачатие и рождение имели сакральный смысл, и наивысшим проявлением благословения Божия было дарование «семени», то есть потомства. В словах псалма о зачатии в беззаконии и грехе речь идет о наследственной передаче греховности, то есть о передаче греха Адама из поколения в поколение (Рим. 5:12, 19). Через своих родителей каждый человек наследует не только все доброе, что было накоплено предшествующими поколениями, но и склонность к греху и ответственность за грех. Именно поэтому, помимо рождения «от плоти», необходимо рождение «от воды и Духа» (Ин. 3:5-6), каковым является Таинство Крещения.

Оглашение

Крещение младенца, по традиции, совершается около сорокового дня после его рождения. Однако четко

установленного срока для Крещения нет: оно может быть совершено и до, и после сорокового дня. **Взрослый человек может креститься в любом возрасте.**

Первая часть Таинства Крещения называется оглашением. Она представляет собой заключительную часть того, что под термином «оглашение» понималось в древней Церкви: процесса подготовки к Крещению. В наше время чин оглашения совершается, как правило, непосредственно перед Крещением, хотя может совершаться и отдельно, поскольку сохранил вид законченного чинопоследования.

Чин начинается в Требнике словами: «Разрешает священник пояс хотящаго просветитися, и совлачит и отрешает его, и поставляет его к востоку, во единой ризе непрепоясана, непокровена, и необувена, имущаго руце долу». Слова указывают на древний обычай, согласно которому оглашенный приходил к таинству в одной длинной рубахе, надетой на голое тело (перед погружением в воду она снималась). Об этом обычае говорит Иоанн Златоуст: «Отцы узаконили... после наших поучений раздевать вас и разувать, и раздетых и разутих, покрытых только одной рубахой, препровождать к словам заклинателей»[111]. В настоящее время при Крещении младенцев используются специальные крещальные рубашки; в некоторых храмах продаются также длинные белые рубахи, используемые при Крещении взрослых.

Крещаемый становится лицом к востоку, и священник, возлагая руку ему на голову, произносит молитву:

О имени твоем, Господи Боже истины, и Единороднаго Твоего Сына, и Святаго Твоего Духа, возлагаю руку мою на раба Твоего (имя), сподобльшагося прибегнути ко святому имени Твоему, и под кровом крил твоих сохранитися. Отстави от него ветхую оную прелесть, и исполни его еже в Тя веры, и надежды, и любви: да разумеет, яко Ты еси един Бог истинный, и единородный Твой Сын, Господь наш Иисус Христос, и Святыи Твой Дух. Дажь ему во всех заповедех Твоих ходити, и угодная тебе сохранити... Напиши его в книзе жизни Твоея, соедини его стаду наследия твоего, да прославится имя Твое святое в нем и возлюбленнаго Твоего Сына, Господа же нашего Иисуса Христа, и животворящаго твоего Духа. Да будут очи Твои взирающе на него милостию выну, и уши Твои, еже услышати глас моления его. Возвесели его в делех рук его, и во всяком роде его, да исповестся Тебе покланяясь, и славяи имя Твое великое и вышнее, и восхвалит Тя выну вся дни живота своего...

Во имя Твое, Господи Боже истины, и Единороднаго Сына Твоего и Святаго Духа Твоего возлагаю руку мою на раба Твоего (имя), удостоеннаго прибегнуть к святому имени Твоему и сохраняться под покровом крыльев Твоих. Отбрось от него тот ветхий обман и наполни его верой в Тебя, надеждой и любовью, чтобы он понял, что Ты один истинный Бог и единородный Твой Сын, Господь наш Иисус Христос, и Святой Твой Дух. Даруй ему ходить во всех заповедях Твоих и делать угодное Тебе... Напиши его в книге жизни Твоей, присоедини его к стаду наследия Твоего, чтобы в нем прославилось святое имя Твое и возлюбленнаго Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, и животворящаго Твоего Духа. Пусть очи Твои всегда взирают на него милостиво, а уши слышат голос моления его. Возвесели его в делах рук его и в потомстве его, чтобы он исповедал Тебя, покланяясь и славяи имя Твое великое и высокое, и восхвалял Тебя всегда, во все дни жизни своей...

Отметим, что молитва начинается словами «О имени Твоем», что священник говорит о крещаемом как сподобившемся прибегнуть к святому имени Божию и молится о том, чтобы крещаемый славил имя Божие «великое и вышнее». В дальнейших молитвах чинопоследования Таинства Крещения имя Божие упоминается многократно. Сама крещальная формула, заповеданная Христом, состоит в произнесении имени Отца, Сына и Святаго Духа. Раннехристианская Церковь, как мы указывали в другом месте[112], придавала огромное значение имени Божию. Иоанн Златоуст, говоря об имени Божием, восклицает: «им мы совершаем священные Таинства»[113]. Особую силу, по учению Златоуста, имя Божие имеет в таинстве Крещения:

...Этому имени нет ничего равного; оно всегда дивно... И кто произнес его, тот сразу же исполняется благоухания... Вот как столь много совершается этим именем. Если слова «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» ты произнес с верою, то ты все совершил. Смотри, сколько ты сделал: ты воссоздал человека и произвел все прочее в таинстве Крещения... Этим именем возрождены мы и, если не оставляем его, то просветляемся[114].

Златоуст говорит о двух «заклинаниях», при помощи которых прогоняются демоны: первое – это имя Божие, второе – сила креста[115]. Слова Златоуста, однако, не следует понимать в том смысле, что имя Божие или крестное знамение обладают магическим действием. В таинстве Крещения, в частности, и произнесение имени Божия, и крестное знамение играют важную роль, однако они не действуют магически, вне связи с прочими молитвами и священнодействиями, входящими в состав чинопоследования.

В древней Церкви путь человека к Крещению начинался с того, что он приходил к епископу и заявлял о желании стать христианином. Епископ записывал его имя в списки оглашенных. Именно с этим обрядом, о

котором упоминал уже Ипполит Римский в III веке, связано содержание молитвы «О имени Твоем». О том, как этот обряд совершался в Иерусалиме в IV веке, рассказывает Этерия:

После того, как священник записал все имена, на второй день Четырдесятницы, в начале восьми недель [116], в середине Великой церкви, мартирия, ставится седалище епископа. Священники рассаживаются по обе стороны от епископа, тогда как все остальные клирики стоят. К епископу одного за другим подводят кандидатов. Мужчин сопровождают их отцы, тогда как женщин – матери [117]. Епископ по очереди задает их восприемникам следующие вопросы: «Ведет ли этот человек добродетельную жизнь? Почитает ли он родителей? Не пьяница ли и не лжец ли он?» И таким образом допытывается обо всех серьезных человеческих пороках. И если найдет человека безупречным на основании свидетельств, то собственной рукой заносит его имя (в список оглашенных). Если же человек окажется виновен в чем-либо, то епископ велит ему уйти, говоря: «Пусть исправится и тогда сможет приблизиться к купели». Это требование является общим как для женщин, так и для мужчин. Если же случится подойти паломнику, и нет человека, который знал бы его и мог за него поручиться, то ему нелегко попасть в списки ожидающих Крещения [118].

Выше мы приводили описание обряда записи в списки оглашенных, содержащееся в трактате Дионисия Ареопагита «О церковной иерархии». Как мы помним, обряд заканчивался тем, что епископ возлагал руку на пришедшего креститься. Этот жест имел глубокое символическое значение в ту эпоху, когда Церковь была гонимой: он свидетельствовал о том, что с момента вступления в Церковь человек находился под ее защитой и молитвенным покровительством. Включение его имени в списки оглашенных тоже имело символический смысл. Оно означало, что отныне человек не чужд Церкви, хотя еще и не является ее полноправным членом. Кроме того, оно указывало на то, что, когда человек приходит ко Христу, его имя вписывается в «книгу жизни» (Флп. 4:3; Откр. 3:5; 13:8; 17:8; 20:12; 20:15; 21:27).

После окончания чтения молитвы «О имени Твоем» начинается та часть оглашения, которая включает в себя заклинание и отречение от дьявола (весьма древний обряд, подробно описанный уже Ипполитом Римским). Особенность первых двух заклинаний заключается в том, что они обращены не к Богу, а к дьяволу [119]. Их произнесение есть не что иное, как акт экзорцизма – изгнания дьявола из человека:

Запрещает тебе Господь, дьяволе, пришедый в мир и вселивыйся в человецех [120], да разрушит твое мучительство, и человеки измет, иже на древе сопротивныя силы победи... иже разруши смертию смерть, и упраздни державу имущаго смерти, сиесть тебе дьявола. Запрещаю тебе Богом, показавшим древо живота, и уставившим херувимы, и пламенное оружие обращающееся стрещи то, запрещен буди... Убойся, изыди, и отступи от создания сего, и да не возвратишия, ниже утаишия в нем, ниже да срящещи его, или действуеши, ни в нощи, ни во дни, или в часе, или во полудне: но отъиди во свой тартар, даже до уготованнаго великаго дне суднаго... Изыди, и отступи от запечатаннаго новоизбраннаго воина Христа Бога нашего...

Запрещает тебе, дьявол, Господь, пришедший в мир и поселившийся среди людей, чтобы разрушить твою власть и избавить от нее людей, Который на кресте победил враждебные силы... Который разрушил смертью смерть и упразднил владеющего державой смерти, то есть тебя, дьявола. Запрещаю тебе Богом, явившим древо жизни и поставившим херувимов и вращающийся пламенный меч, чтобы охранять его... Убойся, выйди и отступи от этого создания, и не возвращайся в него, не таись в нем, не встречайся с ним и не действуй на него ни ночью, ни днем, ни в какой-либо час или полдень, но отойди в свой ад до уготованного великого дня Суда... Выйди и отступи от запечатанного только что призванного воина Христа Бога нашего...

Заклинание это – весьма древнего происхождения (оно встречается уже в Барбериновом кодексе конца VIII века). Второе заклинание имеет аналогичное содержание.

За двумя заклинаниями следуют две молитвы, обращенные к Богу. В первой из них священник просит Бога изгнать нечистых духов из крещаемого, отогнать от него всякое действие дьявола, сокрушить сатану под ноги его и даровать ему победу над сатаной и другими нечистыми духами. Во второй молитве священник просит Бога открыть внутренние очи крещаемого, просветить его светом Евангелия, приставить к нему ангела-хранителя, который избавлял бы его от всякого дьявольского действия. Продолжая молитву, священник трижды дует на уста, лоб и грудь крещаемого (подобное дуновение упоминается уже у Ипполита Римского [121]), произнося:

Изжени из него всякаго лукаваго, и нечистаго духа, сокрытаго и гнездящагося в сердце его [122]. Духа прелести, духа лукавства, духа идолослужения, и всякаго лихоимства: духа лжи, и всякия нечистоты, действуемыя по научению дьяволу. И сотвори его овча словесное святаго стада Христа Твоего, уд честен Церкви Твоея, сына и наследника Царствия Твоего [123]: да, по заповедем твоим жительствовав, и сохранив печать нерушимую, и соблюв ризу нескверную, получит блаженства святых во Царствии Твоем.

Изгони из него всякого злого и нечистого духа, скрытого и гнездящегося в сердце его: духа обмана, духа лукавства, духа идолослужения и всякого стяжательства, духа лжи и всякой нечистоты, приводимой в действие по наущению диавола. И сделай его овцой святого разумного стада Христа Твоего, достойным членом Церкви Твоей, сыном и наследником Царствия Твоего, чтобы, живя по Твоим заповедям и сохранив неоскверненной одежду (Крещения), он получил блаженство святых в Царствии Твоем.

Два заклинания и две молитвы составляют чин экзорцизма – изгнания демонов. Экзорцизм – одно из древних церковных установлений, сохранившихся в Православной Церкви. В III веке существовал отдельный чин экзорцистов, в обязанности которых входило изгнание бесов из оглашенных и одержимых; чин экзорциста был ниже диакона, но выше чтеца и привратника. В некоторых церквях экзорцисты получали рукоположение от епископа. В других церквях экзорцистов не рукополагали, поскольку их служение воспринималось скорее как харизматическое, чем иерархическое[124]. В III веке экзорцистом мог быть как мирянин, так и пресвитер, однако впоследствии право изгонять бесов из оглашенных перешло исключительно к пресвитерам, и чин экзорциста-мирянина прекратил существование[125].

Современному человеку чин экзорцизма может показаться пугающим и отталкивающим.

Некоторые миряне воспринимают его как пережиток мрачного Средневековья, а иные священники или полностью опускают или значительно сокращают его при совершении Таинства Крещения. Между тем экзорцизм – неотъемлемая часть чина оглашения. Причиной непонимания его смысла является то обстоятельство, что некоторые христиане мало знакомы с православным учением о диаволе и демонах, считают диавола мифологической фигурой и отказываются верить в его реальность.

Опыт Церкви, напротив, показывает, что демоническая реальность существует в человеческой жизни. Более того, демоны, как говорится в молитве чина оглашения, «сокрыты и гнездятся в сердце» человека. Это выражение можно понять в смысле указания на те пороки и греховные склонности, которые, по словам Христа, исходят из сердца человека: «Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15:19). За каждым из пороков, по представлению христианских аскетических писателей, стоит свой демон (Иоанн Лествичник говорит о демонах сластолюбия, печали, сребролюбия, боязливости, уныния, бese тщеславия[126]).

Для современного человека характерна утрата чуткости по отношению к проявлениям демонического мира, а вместе с тем – по отношению к порокам, через которые демонический мир реализует себя в мире людей. Следствием искаженного понимания роли диавола в жизни человека, неспособности увидеть демоническое присутствие за каждым грехом и пороком является попустительство пороку, равнодушие по отношению к злу, неспособность распознать зло в самом себе. Другим следствием того же самого парадоксальным образом является склонность к суевериям, которым современный человек подвержен не менее, если не гораздо более, чем человек древности. С одной стороны, представление о диаволе как мифическом существе, созданном средневековым воображением, а с другой – широкое распространение гороскопов и магии, активная деятельность экстрасенсов и чародеев, интерес широкой публики к демоническому в искусстве: такова реальность жизни современного «цивилизованного» общества.

Христианская Церковь выступает против суеверий именно потому, что верит в реальность диавола. По учению Церкви, демоническая реальность требует активного противодействия со стороны христианина. Об этом говорит апостол Павел: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего» (Еф. 6:12). Христианин – это «добрый воин Иисуса Христа» (2 Тим. 2:3; 1 Тим. 1:18), он должен быть облечен в доспехи (оружия) света (Рим. 13:12). Облечение во всеоружие Божие необходимо для того, чтобы «стать против козней диавольских» (Еф. 6:11). В соответствии с этим учением, чинопоследование оглашения называет пришедшего креститься «новоизбранным воином Христа Бога». Вступая на путь христианской жизни, человек становится воином Христовым и бросает вызов диаволу.

В чинопоследовании Крещения это представлено целой серией слов и символических действий. Сразу же после молитв об изгнании диавола священник разворачивает крещаемого лицом к западу и сам поворачивается в ту же сторону. Это действие имеет глубокий смысл. В древней Церкви восток воспринимался как символ Бога, а запад как символ диавола. Именно поэтому храмы строились алтарем на восток, молитва возносилась лицом к востоку, а заклинания в адрес диавола произносились лицом на запад. Кирилл Иерусалимский говорит, обращаясь к оглашаемому: «Поскольку место видимой тьмы есть запад, сатана же, будучи тьмою, во тьме и державу имеет, поэтому, символически смотря на запад, вы отрицаетесь того темного и мрачного князя»[127].

Развернув крещаемого к западу, священник трижды спрашивает его: «Отрицаеши ли ся сатаны[128], и

всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и вся гордыни его?» (эту формулу мы встречали у Ипполита Римского в III веке, у Кирилла Иерусалимского и Иоанна Златоуста в IV веке). Крещаемый трижды отвечает: «Отрицаюся»[129]. Затем трижды следует вопрос «Отреклся ли еси сатаны?» и ответ «Отрекохся» [130]. После чего священник говорит «И дуни и плюни на него», и крещаемый должен дунуть и плюнуть (символически) в сторону запада.

Этот древний обряд у некоторых современных людей вызывает улыбку или недоумение. Между тем именно он как нельзя лучше выражает суть христианского отношения к диаволу. Сила диавола – иллюзорная; диавол бессилен там, где действует Бог; и диавол неспособен повредить человеку, если человек сам не предоставит ему для этого возможность. Вход диаволу в сердце человека открывается через грехи и пороки, а также через различные формы магии, чародейства, колдовства. Если человек чужд этому, если он не допускает смертных грехов, тогда он не должен бояться диавола. Напротив, жизнь по заповедям Христа придает ему силы и уверенность в борьбе со злом – с сатаной, всеми его делами, всеми его помощниками, его «служением» и гордыней.

Отречение от сатаны является неперемным условием вступления на путь христианской жизни. **Человек не может стать христианином, не отказавшись от добровольного следования пороку, злу, греху.** Речь не идет о невольных грехах, которые может совершить каждый христианин и за которые он приносит покаяние на исповеди. Речь идет о сознательном противлении воле Божией, о греховном и порочном образе жизни, несовместимом с христианством, о мировоззрении, основанном на антихристианских ценностях. Именно этому мировоззрению должен объявить войну тот, кто вступает на путь христианской жизни:

Отречься от сатаны не означает отвергнуть мифическое существо, в чье существование даже не верят. Это значит отвергнуть целое мировоззрение, сотканное из той гордыни, которая похитила человека у Бога и погрузила его во тьму, в смерть и ад. И можно не сомневаться, что сатана не забудет этого отречения, этого вызова. «Дунь и плюнь на него!» Война объявлена! Начинается битва, исход которой – либо вечная жизнь, либо вечная гибель. Именно в этом и состоит христианство[131].

Как только отречение от диавола произошло, оглашенный поворачивается к востоку, и священник трижды спрашивает его: «Сочетаваеши ли ся Христу?» Он отвечает: «Сочетаваюся»[132]. Затем диалог продолжается: «Сочетался ли еси Христу? – Сочетался. – И веруеши ли ему? – Верую ему, яко Царю и Богу»[133]. Читается Никео-Цареградский Символ веры. После троекратного произнесения этого диалога священник призывает крещаемого поклониться Богу, и тот совершает крестное знамение и поклон со словами: «Поклоняюся Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троице единосущней и нераздельней». Священник же говорит: «Благословен Бог, всем человеком хотяя спастися, и в познание истины приити, ныне и присно, и во веки веков». И читается молитва, завершающая чин оглашения (по содержанию она сходна с начальной молитвой чина):

Владыко Господи Боже наш, призови раба Твоего (имя) ко святому Твоему просвещению, и сподоби его великия сея благодати святого Твоего Крещения. Отреши его ветхость, и обнови его в живот вечный, и исполни его Святого Твоего Духа силы, в соединение Христа Твоего, да не ктому чадо тела будет, но чадо Твоего царствия.

Владыка Господи Боже наш, призови раба Твоего (имя) к святому Твоему просвещению и удостой его этой великой благодати святого Твоего Крещения. Отторгни его ветхость и обнови его в жизнь вечную и наполни его силой Святого Твоего Духа, чтобы он соединился с Христом Твоим и больше уже не был чадом плоти, но чадом Твоего царствия.

Символ веры является одним из древнейших элементов Таинства Крещения. В ранней Церкви существовали различные Символы веры; в каждой поместной Церкви был свой Символ. Первоначально эти Символы были краткими, со временем, по мере распространения ересей и усиления борьбы с ними, содержание Символов расширялось. Кроме того, происходила постепенная синхронизация и унификация местных Символов, завершившаяся на христианском Востоке к концу V века. Именно к этому времени Никео-Цареградский Символ закрепился в качестве общецерковного.

Сочетание с Христом также является неотъемлемой частью Таинства Крещения, и в практике древней Церкви, так же как и теперь, оно следовало сразу же за отречением от диавола. Опять же, в этом действии был глубокий смысл: оно означало не что иное, как присягу на верность Христу. Если отречение от сатаны было расторгжением договора с диаволом, то сочетание с Христом означает подписание договора с Богом. Если вся библейская история может рассматриваться как цепь заветов, в которые Бог вступал с людьми, то «в Крещении человек становился участником истории спасения и членом завета, вписывал свое имя в историю спасения»[134].

Тема завета развивается в поучениях из «Константинопольского служебника», датируемого V веком. Служебник содержит подробное описание обряда отречения от сатаны и сочетания с Христом. Обряд совершался в Великую пятницу в присутствии архиепископа. По входе в храм около полудня он преподавал мир катехуменам и приказывал им снять одежду (верхнюю) и обувь. Далее он обращался к ним со следующими словами:

Вот подошел конец нашего наставления. (Настало) время вашего искупления. Сегодня вы подпишите перед Христом соглашение веры: перьями и чернилами нам послужат совесть, язык и образ жизни. Смотрите, внимательно подписывайте ваше исповедание... Каждый из вас, как бы взирая на диавола и презирая (его), пусть дунет на него. Обратитесь к совести вашей, исследуйте сердца ваши и рассмотрите, что каждый сделал. Если после того, как вы дунули, в вас остается нечто чуждое, выплюньте это... Диавол стоит ныне на западе, скрежеща зубами, разрывая волосы, заламывая руки, кусая губы, в помешательстве, оплакивая свое одиночество, не веря вашему освобождению. Христос сталкивает вас с ним лицом к лицу, чтобы, отрекшись от него и дунув на него, вы могли начать борьбу с ним. Диавол стоит на западе, потому что там начало тьмы. Отрекитесь от него и подуйте. Затем повернитесь на восток и сочетайтесь со Христом... Все происходящее страшно и вызывает дрожь. Все силы небесные, все ангелы и архангелы находятся здесь. Херувимы и серафимы невидимо записывают ваши слова. Ныне они смотрят с небес, чтобы принять ваши слова и принести их Владыке. Со всем вниманием отрекитесь от врага и сочетайтесь с Творцом[135].

Следует обряд отречения от сатаны и сочетания с Христом в том виде, в каком он сохранился в современных Требниках Православной Церкви. По окончании этого обряда, после того, как оглашенные поклонились Богу, епископ говорит:

Вот, вы отреклись от сатаны и сочетались с Христом. Соглашение подписано. Сам Владыка хранит его на небесах. Придерживайтесь его условий. Ибо это соглашение будет показано вам в день Суда... Смотрите же, берегите себя. Вы отреклись от диавола: возненавидьте же его до конца. Вы сочетались с Христом: до последнего вздоха славьте Его; исповедуя Православие, отойдите ко Господу Богу; не потерпите кораблекрушение в вере^[136].

Освящение воды в Таинстве Крещения

Чинопоследование Таинства Крещения в современном Требнике предваряется следующей ремаркой: «Входит священник и облачается в священническую одежду белую и нарукавницы; и вжигаемым всем свещам, возьмет кадильницу, отходит к купели, и кадит окрест, и, отдав кадильницу, поклоняется». Если оглашение священник может совершать в рясе и епитрахили, то перед началом Крещения он облачается в белую ризу, напоминающую о пасхальном характере Таинства.

Чин Крещения начинается возгласом: «Благословенно Царство Отца и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков». Из всех церковных таинств этим возгласом начинаются только Евхаристия, Крещение и Бракосочетание. Это связано с тем, что оба Таинства входили в состав евхаристического богослужения и лишь в более позднюю эпоху выделились в самостоятельные чинопоследования.

Как и в литургии, в Крещении после начального возгласа следует великая ектения. К ней добавляются прошения о воде: чтобы она была освящена силой, действием и сошествием Святого Духа; чтобы на нее была ниспослана благодать избавления и благословение иорданское; чтобы на нее снизошло очистительное действие сверхсущностной Троицы; чтобы она получила силу отгонять наветы всех видимых и невидимых врагов. Добавляется прошение о всех присутствующих (священнике и членах церковной общины): чтобы, наитием Святого Духа, они просветились просвещением разума и благочестия. Особые прошения возносятся о крещаемом: чтобы он был достоин нетленного Царства Божия; о его спасении; чтобы он был явлен чадом света и наследником вечных благ; чтобы он был причастником смерти и воскресения Христа; чтобы он до дня Страшного суда сохранил одежду Крещения и обручение Духа нескверным и непорочным.

Во время произнесения этой ектении священник молится о самом себе (эта молитва по содержанию напоминает молитву «Никтоже достоин» из Божественной литургии):

Благоутробный и милостивый Боже, истязуяй сердца и утробы... ведый яже о мне, да не омерзиши мя, ниже лица Твоего отвратиши от мене, но презри моя прегрешения в час сей... и омой мою скверну телесную и скверну душевную, и всего мя освяти всесовершенною силою Твоею невидимую и десницею духовною, да не

свободу иным возвещая и сию подавая верою совершенною, Твоего неизреченного человеколюбия сам яко раб греха неискусен буду.

Милосердный и милостивый Боже, испытывающий сердца и мысли[136]... знающий все обо мне, не возгнушайся мною и не отврати лица Твоего от меня, но презри в этот час мои прегрешения... и омой мою скверну телесную и скверну душевную и всего меня освяти всесовершенной Твоей невидимой силой и духовной десницей, чтобы, возвещая свободу другим и даруя ее по совершенной вере, я сам, как раб греха, не оказался непричастен Твоему неизреченному человеколюбию.

Содержание молитвы показывает, что священник в таинстве Крещения не должен быть лишь орудием в руках Господа, пассивным преемником и проводником внешней по отношению к нему и чуждой ему благодати. Таинство Крещения может оказать очищающее действие и на него самого, а сошествие Святого Духа может стать и для него, и для всей церковной общины источником освящения, просвещением разума и благочестия. В молитве устанавливается связь между священником, крещаемым, церковной общиной и совершаемым Таинством. По словам протопресвитера Александра Шмемана, «молитва священника о себе напоминает нам... о нашей зависимости друг от друга в том, что касается духовного роста и исполнения. Она показывает, что Крещение – не самоцель, а начало процесса, в котором решающую роль должна сыграть вся община, а особенно пастырь»[137].

Далее священник трижды возгласно произносит: «Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя, и ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих». Следует молитва, по своей структуре напоминающая евхаристическую анафору: она включает благодарственное обращение к Богу, воспоминание истории человечества от сотворения мира, воспоминание о домостроительстве пришествия в мир Спасителя и, наконец, прошение о ниспослании Святого Духа. Однако если в молитве анафоры основной акцент делается на Тайной Вечери и преложении хлеба и вина в Тело и Кровь Христа, то в молитве освящения воды вспоминается Крещение Иисуса во Иордане:

Ты бо хотением от не сущих во еже быти приведый всяческая, Твоею державою содержиши всю тварь и Твоим промыслом строиши мир. Ты от четырех стихий тварь сочинивый, четырьмя временами круга лета венчал еси. Тебе трепещут умныя вся силы: Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе присутствуют звезды: Тебе слушает свет, Тебе трепещут бездны, Тебе работают источники. Ты простерл еси небо яко кожу: Ты утвердил еси землю на водах: Ты оградил еси море песком: Ты ко отдыханию воздух пролиал еси. Ангельския силы Тебе служат, архангельстии лица Тебе кланяются: многоочитии херувими, и шестокрилатии серафими, окрест стояще, и облетающе, страхом неприступныя славы Твоя покрываются. Ты бо Бог сый неописанный, безначальный же и неизглаголаный, пришел еси на землю, зрак раба приим, в подобии человечестем быв: не бо терпел еси, Владыко, милосердия ради милости Твоея, зрети от диавола мучима рода человека, но пришел еси и спасл еси нас. Исповедуем благодать, проповедуем милость, не таим благодеяния: естества нашего роды свободил еси. Девственную освятил еси утробу Рождеством Твоим: вся тварь воспевае Тя являшагося. Ты бо Бог наш на земли явился еси, и с человеки пожил еси: Ты Иорданския струи освятил еси, с небесе низпославый Святаго Твоего Духа, и главы тамо гнездящихся сокрушил еси змиев.

Ибо Ты, волей из небытия в бытие приведший все, Своей властью держишь всю тварь и Своим промыслом устраиваешь мир; Ты, из четырех стихий составивший тварный (мир), четырьмя временами года увенчал годовой круг; пред Тобою трепещут все духовные силы; Тебя воспевае солнце, Тебя славит луна, Тебе предстоят звезды, Тебя слушается свет, пред Тобою трепещут бездны, Тебе служат источники; Ты простер небо, как шатер; Ты утвердил землю на водах; Ты оградил море песком; Ты излил воздух для дыхания; ангельския силы Тебе служат; архангельския хоры Тебе поклоняются; многоокие херувими и шестикрылые серафими, окрест стоя и вокруг летая, страхом неприступной славы Твоей покрываются; ибо Ты, Бог неописанный, безначальный и неизреченный, пришел на землю, приняв образ раба и став подобен человеку; ибо Ты не мог, Владыко, из-за милосердия милости Твоей видеть, как род человеческий бывает мучим диаволом, но пришел и спас нас. Исповедуем благодать, проповедуем милость, не утаиваем благодеяния: естества нашего род Ты освободил. Девственное чрево Ты освятил рождением Своим; вся тварь воспевае Тебя, явившегося. Ибо Ты, Бог наш, на земле явился и жил среди людей; Ты освятил потоки Иорданския, ниспослав с неба Святаго Твоего Духа, и сокрушил головы гнездящихся там змиев.

Если в евхаристической анафоре Боговоплощение рассматривается как событие, имеющее преимущественное отношение к спасению человека, то в молитве освящения воды Боговоплощение вплетается в космологический контекст: о нем говорится как о событии, имеющем отношение ко всему мирозданию. Сойдя в воды Иордана, воплотившийся Бог освятил Своим присутствием все естество вод, а вместе с ним – все стихии, все творение, весь космос[138].

Согласно христианскому пониманию, судьба мироздания неразрывно связана с судьбой человека. По словам апостола Павла, в результате грехопадения тварь «покорилась суете» и вместе с человеком «стенает и мучится донныне»; опять же, вместе с человеком, а не отдельно от него она ожидает освобождения «от рабства тлению» (Рим. 8:19–22). Конечная судьба твари увязывается с судьбой человека, и преобразование твари невозможно без спасения человека. В таинстве Крещения, благодаря сошествию Святого Духа на воду, восстанавливается утраченная связь между человеком и миром природы.

Святая вода необходима для того, чтобы в ней был крещен человек, но сама она благодаря сошествию на нее Святого Духа приобретает целебные и чудотворные свойства:

Ты убо человеколюбче Царю, прииди и ныне наитием Святаго Твоего Духа и освяти воду сию[139]. И даждь ей благодать избавления, благословение Иорданово, сотвори ю нетления источник, освящения дар, грехов разрешение, недугов исцеление, демонов всегубительну, сопротивным силам неприступну, ангельския крепости исполнену. Да бежат от нея наветующии созданию Твоему, яко имя Твое, Господи, призвах, дивное и славное и страшное сопротивным.

Итак, Ты, человеколюбивый Царь, приди и ныне сошествием Святого Твоего Духа и освяти эту воду. И дай ей благодать избавления, благословение Иордана, сделай ее источником нетления, даром освящения, разрешением от грехов, исцелением болезней, губительной для демонов, неприступной для противных сил, наполненной ангельской силой. Пусть бегут от нее все вредящие созданию Твоему, ибо имя Твое, Господи, я призвав, дивное и славное и страшное для противников.

Затем, погружая руку в воду и трижды крестообразно осеняя воду, священник трижды произносит: «Да сокрушатся под знаменем образа креста Твоего вся сопротивныя силы». После чего продолжает: «Молимся Тебе, Господи, да отступят от нас вся воздушная и неявленная привидения, и да не утаится в воде сей демон темный, ниже да снидет с крещающимся дух лукавый, помрачение помыслов и мятеж мысли наводяй». Опять священник молится не только о воде и о крещаемом, но и обо всех присутствующих – чтобы от них отступили все демонические наваждения и призраки.

В словах молитвы о «воздушных привидениях» не следует видеть следы архаической мифологии. Молитва отражает христианское представление о том, что материя никогда не нейтральна по отношению к добру и злу: материя не есть просто мертвое или пассивное вещество. Бог создал материю доброй, но, если она не используется как средство общения с Богом, она становится вместилищем и обиталищем темных сил[140]. Зло в этом мире совершается нередко при помощи материальных предметов и стихий, которые могут использоваться в качестве орудий преступления. Вода, например, может быть использована для того, чтобы утопить человека; огонь для поджога; металл для нанесения телесных повреждений или убийства. Во всех подобных случаях ответственность за зло несет не материальный предмет или стихия, а человек, поддавшийся влиянию демонических сил или собственных греховных наклонностей. Задача христианина заключается в том, чтобы освободить материю от гнета злых сил, использовать ее в добрых целях, возвращать ее Богу в акте благодарения.

Продолжая молитву, священник просит Бога о том, чтобы освященная вода стала для крещаемого источником духовного изменения и преображения:

...Ты, Владыко всех, покажи воду сию воду избавления, воду освящения, очищение плоти и духа, ослабу уз, прощение прегрешений, просвещение душ, баню пакибытия, обновление духа, сыноположения дарование, одеяние нетления, источник жизни... Ты даровал еси нам свыше поки рождение водою и Духом. Явися, Господи, на воде сей и даждь претворитися в ней крещаемому во еже отложити убо ветхаго человека, тлеемаго по похотем прелести, облещися же в новаго, обновляемаго по образу создавшего его, да быв сраслен подобию смерти Твоя Крещением, общник и воскресения Твоего будет...

...Ты, Владыка всех, сделай эту воду водой избавления, водой освящения, очищением плоти и духа, разрешением от уз, прощением прегрешений, просвещением души, купелью возрождения, обновлением духа, даром усыновления, одеждой нетления, источником жизни... Ты даровал нам свыше новое рождение водою и Духом. Явись же, Господи, на воде сей и дай принимающему Крещение измениться в ней, чтобы он отложил ветхаго человека, который растлевадается в похотях обольщения, и облещися в новаго, который обновляется по образу Создавшего его, чтобы он, будучи соединен с Тобой подобием Твоей смерти в Крещении, стал и причастником воскресения...

В молитве использованы два «евхаристических» термина: «показати» и «преложитися». Термин «показати» используется в литургии Василия Великого наряду с двумя другими терминами («благословити» и «освятити»)

для обозначения того действия, которое Бог Отец при помощи Святого Духа производит над хлебом и вином. Глагол «преложити» (изменить, превратить) используется в аналогичном значении в литургии Иоанна Златоуста. Речь в обоих случаях идет о качественном изменении материальных предметов – хлеба и вина, об их превращении в Тело и Кровь Христа. В молитве же на освящение воды речь идет не только о том, чтобы вода качественно изменилась, превратившись из простой в освященную, но и о том, чтобы «преложение» произошло с самим крещаемым – дабы он, подобно Святым Дарам в Евхаристии, претерпел качественное изменение, совлекишись ветхого человека и облекшись в нового.

Помазание елеем, погружение в воду, облачение в белую ризу

Сходство между тем, что происходит в таинстве Крещения со святой водой и с самим крещаемым, подчеркивается еще и тем, что и вода, и крещаемый помазываются елеем. Молитва на освящение елея отчасти напоминает молитву на освящение воды: в ней священник просит, чтобы елей сделался для человека помазанием нетления, оружием праведности, обновлением души и тела, отгнанием всякого дьявольского действия. Затем священник обмакивает в елей кисточку и крестообразно погружает ее в воду с пением «Аллилуйя». После этого он помазывает крещаемому лоб, уши, руки и ноги со словами: «Помазуется раб Божий (имя) елеем радования, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, во исцеление души и тела, в слышание веры. Руце Твои сотвориште мя и создасте мя. Во еже ходити ему по стопам заповедей Твоих»[141].

Крещаемый перед погружением в купель помазывается «елеем радования»; этот обряд известен уже в III веке. (О значении елея как религиозного символа речь пойдет в разделе, посвященном таинству Елеосвящения.)

Слово «крещение» (греч. *baptismos*) буквально означает «погружение», и церковный устав предписывает крестить полным погружением. На практике, однако, Крещение в Православной Церкви нередко совершается через обливание: священник, не погружая крещаемого в воду, трижды возливает воду ему на голову. Как мы видели, в древней Церкви нормативным считалось Крещение в живой воде, через полное погружение; в то же время допускалось и Крещение через обливание в случае необходимости[142]. Поэтому не правы те священники (такие иной раз встречаются в православной среде), которые считают, что Крещение через обливание недействительно. В то же время следует признать, что и сегодня, как в древности, Крещение полным погружением должно восприниматься как норма. Младенцев можно крестить через погружение в купели, а взрослых – в специально сооруженной баптистерии – бассейне для Крещения (такие баптистерии имеются при некоторых православных храмах), либо в естественном водоеме (реке, озере).

Именно погружение в воду, а не обливание или окропление, воспроизводит всю полноту символизма Таинства Крещения как смерти ветхого человека и воскрешения нового. В древних храмах баптистерии, как правило, имели ступени с восточной и западной сторон: крещаемый входил в купель с западной стороны, а выходил с восточной; обращен он был при этом лицом к востоку[143]. Это также имело глубокий смысл, ибо указывало на то, что после Крещения человек не должен возвращаться к прежней греховной жизни. Прохождение через баптистерий с востока на запад символизировало переход от тьмы к свету, от смерти к жизни.

Крещение совершается при произнесении слов «Крещается раб Божий (имя) во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святаго Духа, аминь». В древности троекратное «аминь» произносила вся община, сегодня его произносит сам священник. В латинском обряде священник при Крещении произносит несколько иную формулу: «Я крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». Разница между западным и восточным обрядами в данном пункте обусловлена тем, что на Востоке подчеркивали действие Божие в Таинствах: крестит не священник, а Сам Бог посредством священника, что и подчеркивается употреблением безличной формы третьего лица («крещается»). Впрочем, разница здесь скорее терминологическая, поскольку в западной традиции также существует учение о том, что совершителем таинств является Сам Бог. Как говорит Амвросий Медиоланский, «крещает не Дамасий, не Петр, не Амвросий и не Григорий. Мы исполняем свое дело как служители таинств, но действительность таинств зависит от Тебя. Не в человеческих силах сообщать божественные блага – это Твой дар, Господи»[144].

Церковный устав предписывает крещаемому входить в купель полностью обнаженным. На практике это предписание соблюдается только при Крещении младенцев. При Крещении взрослых оно не соблюдается, и тому есть веские причины. В сознании современного человека понятие наготы сопряжено с понятием разврата: публичное обнажение (а именно таким было крещальное обнажение в ту эпоху, когда Крещение

совершалось прилюдно) воспринимается как непристойное действие.

Библейское и раннехристианское понимание наготы было иным. В Библии говорится о том, что **Бог создал человека нагим, и в этой первозданной наготе не было ничего непристойного или греховного**; нагота стала постыдной после грехопадения. В Таинстве Крещения наготе возвращается ее изначальный смысл, поэтому в контексте Крещения – и только в этом контексте – она символизирует чистоту, безгрешность. Обращаясь к принявшим Крещение, Кирилл Иерусалимский говорил: «Вы были наги пред очами всех и не стыдились»[145]. Это прямая аллюзия на слова Книги Бытия об Адаме и Еве, которые *были наги и не стыдились* (Быт. 2:25). Кроме того, обнажение в таинстве Крещения имело христологическую подоплеку: «По сложении ризы, вы были наги, подражая и в этом Христу, на Кресте обнаженному»[146].

Следующий за Крещением обряд облачения в белую ризу также имеет христологический смысл. Он связан со словами апостола Павла: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Еф. 3:27). Разоблачение перед Крещением означало совлечение ветхого человека, облачение после Крещения указывает на то, что крещенные оделись во Христа, стали сынами Божиими по вере и по обетованию наследниками (Еф. 3:26, 29). Белый цвет ризы символизирует духовную чистоту и равноангельное состояние человека, вышедшего из крещальной купели, – человека, которому прощены все грехи. При облачении крещаемого священник произносит: «Облачается раб Божий (имя) в ризу правды, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь». Хор поет: «Ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом яко ризою, многомилостиве Христе Боже наш».

После белой ризы, по традиции, на новокрещеного надевается крестильный крест. Требник ничего не говорит об этом обычае, однако **традиция носить крест на теле**, несомненно, **относится к глубокой христианской древности**, что подтверждается многочисленными нательными крестами, сохранившимися от раннехристианской и византийской эпохи. Кресты были двух видов – с изображением распятого Христа и без такого изображения. Никакой принципиальной разницы в этом не видели: всякий крест считался символом присутствия Христа, обладающим чудотворной силой. Не существовало и особого чина освящения креста, поскольку не предполагалось, что крест, будучи сам источником освящения, нуждается в каком-либо дополнительном освящении.

Традиция носить крест на теле является в Православной Церкви повсеместной и общепринятой. Она не исчезла даже во времена гонений на Церковь в Советском Союзе. Немногие верующие носили нательный крест на цепочке (поскольку это было достаточно заметно), но многие прятали его в кармане или зашивали под ворот рубашки.

Миропомазание

Смысл и значение церковных таинств наиболее полно узнается из чинопоследований этих таинств: молитвы и священнодействия, входящие в состав Таинства, являются наилучшим ключом к его пониманию. Таинство Миропомазания в этом плане составляет исключение. Это самое короткое из всех церковных таинств: оно длится около одной минуты и включает в себя произнесение краткой формулы и помазание новокрещеного святым миром – особым составом из благовонных масел. Формула Миропомазания состоит из четырех слов: «Печать Дара Духа Святаго». Помазываются, как и при помазании елеем, лоб, глаза, ноздри, уши, рот, грудь, руки и ноги[147]. После этого читается молитва, которая не дает никакого дополнительного разъяснения смысла совершившегося Таинства:

Благословен еси, Господи Боже Вседержителю... даровавый нам недостойным блаженное очищение во святей воде, и божественное освящение в животворящем помазании, Иже и ныне благоволивый паки родити раба Твоего новопросвещеннаго водою и Духом, и вольных и невольных грехов тому даровавый. Сам Владыко Всецарю, даруй тому и печать дара Святаго и всеильнаго и покланяемаго Твоего Духа, и причащение Святаго Тела и Честныя Крови Христа Твоего...

Благословен Ты, Господи Боже Вседержителю... даровавший нам, недостойным, блаженное очищение в святой воде, и божественное освящение в животворящем помазании, Ты, Который ныне соблаговолил заново родить раба Твоего, новопросвещенного, водою и Духом, и даровать ему прощение вольных и невольных грехов. Сам Владыка, Царь всего, даруй ему и печать дара Святаго и всеильного и достойного поклонения Твоего Духа, и причащение святого Тела и драгоценной Крови Христа Твоего...

Тематически эта молитва относится настолько же к Миропомазанию, насколько к Крещению и

Причащению (как мы помним, причащение в практике древней Церкви следовало непосредственно за Крещением и миропомазанием).

Возможно, именно лаконичность чинопоследования этого Таинства послужила причиной того, что его понимание на православном Востоке и на латинском Западе существенно отличается. На Востоке Миропомазание никогда не было литургически оформлено в качестве отдельного Таинства, но всегда входило в состав Таинства Крещения. На Западе, наоборот, Миропомазание (конфирмация) было выделено в отдельное литургическое чинопоследование, которое не совершается при Крещении младенцев, а знаменует собой вступление в отроческий возраст (7–12 лет). Поскольку же лица, не получившие миропомазание, не могут быть допущены к таинству Евхаристии, в Западной Церкви младенцев не причащают вообще. Первое причастие в католической церкви выделено в самостоятельный обряд, следующий за миропомазанием. Что же касается христианских сообществ, отделившихся от Римской Церкви в эпоху Реформации (лютеран, кальвинистов и др.), то у них миропомазание не считается отдельным Таинством и входит в состав чина Крещения.

Православное академическое богословие XIX века рассматривало Таинство Миропомазания преимущественно в полемическом контексте. Оспаривая католическое понимание Таинства, православные богословы настаивали на литургической связи Миропомазания с Крещением; в споре с протестантами доказывали, что Миропомазание является самостоятельным Таинством. Как бывало нередко в подобных случаях, против католиков заимствовались аргументы протестантов, а в полемике с протестантами использовались аргументы католиков.

В латинском обряде право совершать Таинство Миропомазания принадлежит епископу. В Православной Церкви Таинство может совершать священник, однако миро, используемое в таинстве, освящено епископом (патриархом). Тем самым подчеркивается связь между верующим и предстоятелем той поместной Церкви, к которой он принадлежит. Через Миропомазание, даже если его совершает священник, а не епископ, благословение епископа передается верующему.

Согласно одной из теорий происхождения Таинства Миропомазания, оно было установлено взамен возложения рук епископа после Крещения. Согласно этой теории, в раннехристианской Церкви Таинство Крещения совершал епископ, и после погружения крещаемого в купель он возлагал на него руку: через возложение руки (рукоположение) крещаемому преподавался дар Святого Духа. Впоследствии, однако, когда епископы перестали лично совершать Таинство Крещения и делегировали это право пресвитерам, епископское благословение было заменено Миропомазанием.

Искусственность этой теории доказывается тем фактом, что сохранившиеся от эпохи ранней Церкви описания Таинства Крещения включают и возложение рук епископа, и Миропомазание, совершаемое епископом. В «Апостольском предании» Ипполита Римского, как мы видели, указывается, что сразу же после Крещения епископ возлагает на новокрещеных руку, произнося молитву о ниспослании на них Святого Духа. После этого он наливает в руку миро (елей), снова возлагает руку на голову новокрещеного и помазывает ему лоб[148]. Таким образом, возложение руки епископа отнюдь не заменяется Миропомазанием: совершаются оба действия, знаменующие собой схождение на новокрещеного Святого Духа.

Действительно, **при жизни апостолов сошествие Святого Духа ассоциировалось с возложением рук**, которое рассматривалось как дополняющее Крещение. В Деяниях повествуется о группе самарян, которые были крещены во имя Иисуса, но ни на одного из них не сходил еще Святой Дух. К ним были посланы Петр и Иоанн, которые, придя, помолились о них и возложили на них руки, после чего они «приняли Духа Святого» (Деян. 8:14–17). Этот рассказ свидетельствует о том, что Крещение не рассматривалось достаточным для дарования Святого Духа, для которого требовалось дополнительное священнодействие – молитва и возложение рук апостолов. В рассказе не упоминается помазание миром.

С другой стороны, помазание неоднократно упоминается в апостольских посланиях. Обращаясь к христианам, апостол Иоанн говорит: «Вы имеете помазание от Святого... Помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает» (1 Ин. 2:20, 27). Апостол Павел пишет Коринфянам: «Утверждающий нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, Который запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши» (2 Кор. 1:20–21). Здесь помазание можно понять в переносном смысле – как благословение Божие, как внутреннее воздействие Духа Божия. Однако вовсе не следует исключать того, что действие Святого Духа внешне выражалось через помазание миром. Именно так понимали слова Павла позднейшие отцы Церкви[149]. Формула «печать дара Духа Святого» тоже основана на словах апостола Павла.

Обряд помазания христианская Церковь унаследовала от церкви ветхозаветной. Помазание миром было

важным элементом древнееврейского религиозного обихода. Помазывались некоторые предметы культа, например, жертвенник, благодаря этому становившийся «святыней великой» (Исх. 29:36–37; 30:26–29). Миром помазывали священников (Исх. 30:30–31; Лев. 8:12). Термин «помазание» применялся по отношению к пророкам (Ис. 61:1)[150]. Особое значение придавалось помазанию на царство: оно совершалось пророком (1 Цар. 10:1; 16:13; 4 Цар. 9:6) или священником (3 Цар. 1:39; 4 Цар. 11:12). Именно царское помазание стало прообразом помазания Христа, а «помазанник» из псалмов (например, Пс. 2:2) в христианской традиции воспринимался как Мессия.

Аллюзию на помазание можно усмотреть в словах Откровения Иоанна Богослова о Христе: «Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов кровию Своею и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков, аминь» (Откр. 1:5–6). В восприятии Иоанна Богослова кровь и вода являются одновременно символами искупления и Крещения (ср. 1 Ин. 5:6: «Сей есть Иисус Христос, пришедший водою и кровию и Духом, не водою только, но водою и кровию»). Если принять слова «омывшему нас от грехов кровию Своею» как аллюзию не только на искупление, но и на Крещение, тогда вполне логично будет увидеть в словах о царях и священниках намек на помазание миром.

Как бы там ни было, уже памятники II века упоминают помазание миром (елеем) как важное церковное священнодействие. Феофил Антиохийский пишет: «Имя Христос означает Помазанник... Мы потому называемся христианами, что помазываемся божественным елеем»[151]. Климент Александрийский различает «благословенное Крещение» и «божественное запечатление»[152]. В III веке Киприан Карфагенский говорит о Крещении и помазании как двух различных Таинствах[153].

В IV веке толкование Таинства Миропомазания дает святитель Кирилл Иерусалимский, посвятивший этому таинству отдельную беседу. Вслед за Феофилом Александрийским он связывает Таинство Миропомазания с именем «Христос»: «Удостоившись этого святого Миропомазания, вы называетесь христианами, оправдывая возрождением и самое имя. Ибо прежде нежели вы сподобились этой благодати, вы не были достойны этого наименования, а стремились к тому, чтобы вам быть христианами»[154].

Помазание, по словам Иерусалимского святителя, есть «освящение, духовное хранение тела и спасение души»[155]. Оно совершается в образ сошествия Святого Духа на Христа:

Помазанными же вы сделали, когда прияли вместообразное (*antitypon*) Святого Духа: и все на вас образно, то есть в подобии, совершилось, потому что вы образ Христа. Он, омывшись в реке Иордан и преподав от пота Своего божественного благоухание водам, вышел из них: и на Него сущностно снизошел Святой Дух, и на подобном почил подобное. Так и вам, когда вышли вы из купели священных вод, преподано помазание, сообразное тому, которым Христос помазался. Оно же есть Дух Святой[156].

Как поясняет далее Кирилл, Бог Отец, от века предопределив Своему Сыну быть Спасителем мира, помазал Его Духом Святым (Деян. 10:38). Подобное этому помазание подается верующим во Христа:

И каким образом Христос воистину был распят, погребен и воскрес; а вы чрез Крещение в подобии, и удостоились распяться, и быть погребенными и восстать вместе с Ним, так и в Миропомазании. Он помазался духовным елеем радости, то есть Духом Святым... вы же помазались миром, сделавшись общниками и причастниками Христа[157].

Святым миром помазываются органы чувств человека. Согласно древнецерковным антропологическим представлениям, душа проявляет себя через органы чувств, поэтому для освящения различных способностей души необходимо освящение различных органов чувств. По словам святого Кирилла, миром «символически помазываются твое чело и другие органы чувств. И когда видимым образом помазывается тело, тогда Святым и Животворящим Духом освящается душа»[158]. Иерусалимский святитель поясняет:

Вы помазаны на челе, чтобы *открытым лицом* взирать на славу Господню и преображаться *в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа* (2 Кор. 3:18). Помазанием на ушах вы получаете ухо для слышания Божественных Тайн... Помазание ноздрей вводит человека в единство с божественным благоуханием мира... И, наконец, помазание груди облакает участника Таинства *в броню праведности*, чтобы он *молился во всякое время Духом и старался о сем со всяким постоянством* (Еф. 6:14, 18)[159].

Миро, преподаваемое в помазании, святитель сравнивает с евхаристическими Дарами, над которыми совершается молитва благодарения:

Но смотри, не считай это миро простым. Ибо как хлеб Евхаристии после призывания Святого Духа есть уже не простой хлеб, но тело Христово, так и святое миро после призывания не есть уже... обыкновенное миро, но

дарование Христа и Духа Святого, от присутствия Божества Его сделавшееся действенным[160].

Итак, мир не есть лишь состав из благовонных масел: благодаря сошествию Святого Духа оно, по дару Христа, становится вместилищем Святого Духа, местом, орудием и средством Его присутствия. Происходит преложение, то есть изменение, превращение благовонного состава в святое миро, при помощи которого дар Святого Духа преподается верующим.

Крещальная процессия, Апостол и Евангелие

Сразу же за облачением в белые одежды и миропомазанием следует крещальное шествие вокруг купели: священник с крестом в руке и новокрещеный вместе с восприемником трижды обходят купель при пении слов апостола Павла «Елицы по Христа креститесь, во Христа облекостесь» (Гал. 3:27), к которым добавляется «аллилуйя». Это торжественное шествие напоминает о связи между Крещением и Пасхой.

Как мы уже говорили, в древней Церкви Крещение совершалось в баптистерии, и по окончании Таинства новокрещеные торжественно шествовали в храм для участия в Евхаристии. Сегодня об этом напоминают две процессии – крещальное шествие вокруг купели и пасхальный крестный ход, совершаемый в ночь Святой Пасхи. Для раннехристианской Церкви «Крещение было пасхальным Таинством, а Пасха была празднованием Крещения»[161]. После того, как совершение Крещения было отделено от празднования Пасхи и вместо одной пасхально-крещальной процессии появилось две, их значение несколько изменилось, но смысловая связь между ними полностью не утратилась. Сегодня пасхальный крестный ход представляет собой исход клира и мирян из храма на улицу – для свидетельства о воскресении Христовом перед лицом нецерковного мира. Пасхальный крестный ход, таким образом, подчеркивает миссионерскую задачу Церкви. Но миссия Церкви, как и миссия апостолов, заключается в том, чтобы учить все народы и крестить их *во имя Отца, и Сына, и Святого Духа* (Мф. 28:19). Таинство Крещения есть цель и увенчание этой миссии.

Принимая Крещение, человек становится миссионером, так как задача, возложенная на апостолов, возлагается теперь и на него. Каждый христианин должен быть апостолом, миссионером, проповедником, являя всей своей жизнью истину воскресения Христова. Шествие вокруг купели служит напоминанием о миссионерском призвании каждого, кто принял святое Крещение.

В то же время крещальное шествие напоминает о том, что в этом мире Церковь является странствующей: она еще на пути к Царствию Божию. И каждый христианин участвует в этом странствии, проходя путем христианской жизни под руководством Церкви. Крещение есть начало пути, Царствие Божие – его завершение.

Связь между Крещением и Пасхой, между Крещением и воскресением Христовым, подчеркивается и в апостольском чтении, следующем за крещальным шествием:

...Все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились. Итак мы погреблись с Ним Крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть *соединены и подобием* воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 6:3-11).

Это чтение из Апостола как бы подводит итог таинству Крещения, в то же время раскрывая его глубинный смысл. В свете слов апостола Павла оживает вся символика погружения в воды крещальной купели как подобия смерти Господа. Благодаря Крещению и жизнь, и смерть, и воскресение Христа становятся частью духовного опыта христианина. В то же время апостол подчеркивает нравственный смысл Крещения как смерти для греха и воскресения к «обновленной жизни». По словам Иоанна Златоуста, «если ты умер в Крещении, оставайся мертвым, потому что всякий умерший не может уже грешить; а если ты грешишь, то унижаешь дар Божий»[162].

После Апостола следует евангельское чтение, повествующее о заповеди крестить во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, которую Христос дал ученикам (Мф. 28:16-20). Это чтение возвращает таинству евангельскую

перспективу, свидетельствуя о его богоустановленности и в то же время напоминая верующим о том, что Христос постоянно присутствует в Церкви: «се, Я с вами до скончания века» (Мф. 28:20).

Завершение таинства. Обряды восьмого дня

Чтение Евангелия является смысловым завершением Таинства Крещения. Оно, собственно, даже выходит за рамки изначального чина Крещения как такового, поскольку читалось уже на пасхальной литургии (и сегодня на литургии Великой субботы читаются те же Апостол и Евангелие, что и в таинстве Крещения). Крещением и богослужением пасхальной ночи вступление новых членов в Церковь не заканчивалось. В течение всей пасхальной седмицы они приходили в храм слушать таинводственные поучения. На восьмой день, то есть в следующее за Пасхой воскресенье, они приходили вновь, и над ними совершались обряды восьмого дня. В современной практике эти обряды нередко совершаются сразу же после Крещения и даже включаются в его чин (несмотря на предписание Требника совершать их именно в восьмой день).

Первым из этих обрядов является омывание святого мира с тела новокрещеного. Оно начинается чтением двух молитв, в которых священник просит Бога помочь новокрещеному сохранить «щит веры» и одежду нетления. Возлагая руку на голову принявшего Крещение, священник обращается к Богу со словами: «Возложи на него руку Твою державную, и сохрани его в силе Твоея благодати, некрадомо обручение сохрани, и сподоби его в жизнь вечную». После этого специальной губкой остатки святого мира смываются с тела принявшего Крещение со словами: «Оправдался еси, просветился еси, освятился еси, омылся еси именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего. Крестился еси, просветился еси, миропомазался еси, освятился еси, омылся еси; во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».

Этот обряд имеет не только утилитарный смысл удаления остатков мира с тела принявшего Крещение. Символическое значение обряда заключается в том, что он свидетельствует об окончании долгого крещального пути, который, как мы помним, включал продолжительное оглашение и испытание нравственности, отречение от сатаны и соединение со Христом, погружение в крещальную купель и помазание миром, участие в пасхальном богослужении и причащение Святых Христовых Тайн, ежедневное посещение таинводственных бесед в течение пасхальной седмицы. Теперь христианину дано все, что ему необходимо для того, чтобы он начал свой собственный путь, ведущий в Царство Небесное. Теперь он облечен во всеоружие Божие, полностью экипирован для борьбы с силами зла, как внешними, так и внутренними. Теперь он получил все необходимое, чтобы выйти в мир и свидетельствовать о чуде духовного воскресения, которое произошло с ним.

После омытия мира с крещеного снимается белая риза, и он облачается в свою обычную одежду. Это, опять же, не символ окончания праздника и наступления будней. Скорее, это символ выступления в поход: «Когда начинается реальная битва, яркая и блестящая форма становится бесполезной и сменяется на форму походную... Белая одежда снимается, и омывается святое миро, ибо они были даны, чтобы быть не знаками, а самой реальностью, чтобы быть преобразованными в жизнь»[163].

С момента Крещения начинается битва христианина за собственную душу и за души окружающих людей. В этой битве ему понадобится покровительство и помощь Церкви. В свою очередь, Церковь сможет помогать своему члену только в том случае, если он будет жить в послушании ее установлениям и законам.

В этом смысл последнего из обрядов восьмого дня – пострижения волос. С древних времен пострижение волос было символом послушания: не случайно пострижение употребляется при принятии монашества и при вступлении в чин чтеца – первый чин священнослужения. Молитва на пострижение волос напоминает о необходимости послушания Церкви, ее иерархии и ее установлениям. В то же время она говорит о том нетленном венце, который уготован победителям в духовной битве. Получить такой венец надеется не только принявший Крещение, но и крестивший его священник, и все члены церковной общины. Поэтому в молитве вновь появляется первое лицо множественного числа:

Одеявыйся в Тя, Христа и Бога нашего, Тебе подклони с нами свою главу, егоже сохрани непобедима подвижника пребыти на всуе вражду носящих на него и на ны, Твоим же нетленным венцем даже до конца победители вся покажи.

Одевшийся в Тебя, Христа и Бога нашего, приклонил перед Тобой свою голову вместе с нами. Сохрани его,

чтобы он пребыл непобедимым борцом с теми, кто напрасно враждует против него и нас, и всех нас в конце концов увенчай Твоим победным венцом.

Заключение

Дорогие читатели!

Заканчивая эту небольшую книгу о Крещении и Миропомазании, я хотел бы напомнить вам, что **сотрудничество человека с Богом**, деятельное участие в Божием замысле спасения **делает жизнь человека осмысленной и перспективной**. Многие из тех трудностей, которые человек встречает на своем жизненном пути, становятся преодолимыми. И преодолевая их, мы обретаем все бóльшую уверенность и осознание истинности обретенного пути с Богом, который начинается с нашего Крещения и продолжается в жизни вечной.

Жизнь без Бога и Церкви может оказаться состоящей лишь из потерь и временных обретений, за которыми опять следуют утраты. Это, конечно, никогда не сможет удовлетворить человека в поисках смысла жизни. Пока мы идем своим путем, Бог молчит и ожидает, давая нам время исчерпать свои возможности и убедиться, что они не беспредельны. Жизнь в Церкви – это участие в ее благодатных таинствах, для которых нет временных и пространственных границ. Благодать Божия неисчерпаема, но чтобы иметь возможность в полноте получить ее, мы должны показать свое желание и проявить готовность к принятию церковных таинств. Крещение – первый шаг на этом пути, а Миропомазание – божественное подтверждение истинности этого шага. Далее должно последовать участие в Евхаристии и других таинствах, которые предлагает Церковь.

На протяжении всей нашей жизни Бог через Свою Церковь будет воспитывать нас и вести Своим таинственным путем в Царство Божие. В отличие от человеческого воспитания, имеющего чаще всего внешний и принудительный характер, Бог воспитывает нас любовью, полнота которой является в Таинстве Евхаристии. Родившись во плоти и приняв Крещение из рук Иоанна Предтечи, Христос проходит весь жизненный путь человека: от триумфального успеха до полного отречения и предательства. Испытав все это Сам и зная человека изнутри, **Христос может спасти всякого человека, поверившего Ему и пожелавшего креститься, чтобы принять Его спасение**. А принятие таинства Крещения одним человеком затрагивает в свою очередь всю Церковь Христову, ибо, «вся Церковь изменяется, обогащается и исполняется, когда еще одно чадо Божие включается в ее жизнь и становится членом Тела Христова»[164].

Будем помнить о любви Божией и Его милосердии, действенное восприятие которых начинается в Крещении и продолжается, пока человек пребывает в Церкви. Приняв таинство Крещения, будем бережно хранить духовную память об этом и, «возрастая от силы в силу», неустанно просить Бога, чтобы спасительная благодать святого Крещения никогда не оставила нас в этой жизни и соделала из нас причастников жизни будущей.

Библиография

1. Источники

Амвросий Медиоланский. О Святом Духе: De Spiritu Sancto. PL 16, 731–850; CSEL 79, 15–222.

Апостольские постановления: Constitutions apostoliques. SC 320, 329, 336; Постановления апостольские. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2004.

Афанасий Александрийский. Апология против ариан: Apologia contra Arianos. PG 25, 247–409. *Русский перевод: Святитель Афанасий Великий*. Творения: В 4 т. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902–1903. (М., 1994).

Николай Кавасила. О жизни во Христе: De vita in Christo. PG 150, 493–725.

Василий Великий. Беседа 13, увещательная к святому Крещению = Homilia XIII. Exhortatoria ad sanctum baptisma. PG 31, 424 A–443 C. *Русский перевод*: Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 1–7. М., 1993.

Григорий Богослов. Слова 38–41: Grégoire de Nazianze. Discours 38–41. Ed. C. Moreschini, P. Gallay. SC 358. Paris, 1990; *Русский перевод*: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Т. 1–2. Изд. Сойкина, б. г. (Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994). Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1–6. М., 1843–1848.

Григорий Нисский. Большое огласительное слово: Oratio catechetica magna. PG 44, 9–105; The Catechetical Oration of Gregory of Nyssa. Ed. J. H. Strawley. Cambridge, 1903. *Русский перевод*: Восточные отцы IV века = Восточные отцы и учителя Церкви IV века: Антология / Сост., биографические и библиографические статьи иером. Илариона (Алфеева). М., 1996. Т. 2. С. 77–403; Творения иже во святых отца нашего Григория Нисского. Ч. 1–8. М., 1861–1871.

Григорий Нисский. Против Евномия: Contra Eunomium. PG 45, 248–1121; Gregorii Nysseni Opera I–II: Contra Eunomium libri. Ed. W. Jaeger. Leiden, 1960.

Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии; Письма: Corpus Dionysiacum II: Pseudo-Dionysius Areopagita. De coelesti hierarchia; De ecclesiastica hierarchia; De mystica theologia; Epistulae. Ed. G. Heil and A. M. Ritter. PTS 36. Berlin, 1991. *Русские переводы*: Восточные отцы V века = Восточные отцы и учителя Церкви V века: Антология / Сост., биографические и библиографические статьи иером. Илариона (Алфеева). М., 2000. С. 257–416; Дионисий Ареопагит. Сочинения. Максим Исповедник. Толкования / Пер. Г.М.Прохорова. СПб., 2003.

Дидахи (Учение двенадцати апостолов): La doctrine de douze apôtres (Didachè). Ed. W. Rordorf, A. Tuilier. SC 248. Paris, 1978. *Русский перевод*: Ранние отцы Церкви. Брюссель, 1988. С. 16–26.

Иоанн Дамаскин. Точное изложение = Точное изложение православной веры: Die Schriften des Johannes von Damaskos II: Expositio fidei. Ed. B. Kotter. PTS 12. Berlin, 1973. *Русские переводы*: Преподобный Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. Троице-Сергиева лавра, 1993; Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Христологические и полемические трактаты. Слова на Богородичные праздники. М., 1997; Точное изложение православной веры / Пер. А. Бронзова. СПб., 1894.

Иоанн Златоуст. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Изд. 2-е. Т. 1–12. СПб., 1899–1906.

Ипполит Римский (Псевдо-). Апостольское предание: Hippolyte de Rome. La tradition apostolique. Ed. B. Botte. SC 11-bis. 1984.

Иустин Философ. 1-я Апология: Saint Justin. Apologies. Ed. A. Wartelle. Paris, 1987. *Русский перевод*: Сочинения святого Иустина философа и мученика / Пер. прот. П. Преображенского. М., 1892 (М., 1995).

Киприан Карфагенский. Послания: Epistulae. PL 3, 699–1051; CSEL 3/2. *Русский перевод*: Священномученик Киприан Карфагенский. Творения. М., 1997.

Кирилл, архиепископ Иерусалимский, святитель. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991.

Симеон Новый Богослов. Послания 2–4: Vatic. gr. 1782, fol. 205v. – 230[165].

Симеон Солунский. О покаянии: De poenitentia. PG 155, 469–504.

Тертуллиан. О крещении: De baptismo. CSEL 20, 201–218.

Феодор Студит. Письма (Послания): Theodori Studitae Epistulae. Hrsg. von G. Fagouros. T.1–2. SB 31/1–2. Berlin – New York, 1992; Epistulae. PG 99, 903–1670.

Феофил Антиохийский. К Автолику: Ad Autolyicum. PG 6, 1023–1168; Théophile d'Antioche. Trois livres a Autolycus. Ed. G. Bardy, J. Sender. SC 20. Paris, 1948. *Русский перевод*: Ранние отцы Церкви: Антология. Брюссель, 1988. С. 458–521.

Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви (III–XX вв.). СПб., 2002.

Grégoire de Nazianze. Discours 38–41. Ed. C. Moreschini, P. Gallay. SC 358. Paris, 1990

Этерия. Паломничество к святым местам: Peregrinatio ad loca sacra. CSEL 39, 35–101; CCL 175, 29–103.

2. Литература

Буйе Л. О Библии и Евангелии. / Пер. с франц. Брюссель, 1965.

Гаврилюк Павел, диакон. История катехизации в древней Церкви. М., 2001.

Иларион (Троицкий), священномученик. Творения. Т. 1–3. М., 2004.

Катанский А.Л. Догматическое учение о семи церковных таинствах в творениях древнейших отцов и писателей до Оригена включительно. СПб., 1877.

Макарий, архимандрит. Догматическая богословия, или Православное учение Восточных Церкви, содержащее все, что христианину, своего спасения ищущему, знать и делать надлежит // Собрание всех сочинений бывшего Московской Славяно-Греко-Латинской Академии проповедника, потом префекта и философии учителя, а наконец Желтикова монастыря архимандрита, Тверской семинарии ректора и священной богословии учителя Макария. Т. 1. М., 1786.

Мейендорф Иоанн, протоиерей. Брак в Православии. Клин, 2000.

Неофит (Осипов), архимандрит. Мысли об имени // Начала. 1998. № 1–4.

Православно-догматическое богословие Макария, митрополита Московского и Коломенского. Т. 2. СПб., 1883.

Пролыгин И.В. Катехизация и чин крещения в Антиохии в конце IV века // Святитель Иоанн Златоуст. Огласительные гомилии. Тверь, 2006. С. 27–61.

Сулова А. В., Суперанская В. А. О русских именах. Л., 1985.

Шмеман Александр, протопресвитер. Водю и Духом. О таинстве Крещения. М., 1993.

Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1991.

McGuckin J.A. The Orthodox Church. An Introduction to its History, Doctrine, and Spiritual Culture. Malden, MA – Oxford, 2008.

Meyendorff J. Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Themes. New York, 1979.

Yevtich, Bishop Athanasius. Christ, The Alpha and Omega. St. Herman of Alaska Monastery, 2007.

3. Сокращения

ЖМП = Журнал Московской Патриархии. Москва.

ПЭ = Православная энциклопедия. Москва.

CCL = Corpus Christianorum, series Latina. Louvain.

OCA = Orientalia Christiana Analecta. Roma.

PG = Patrologiae cursus completus, series graeca. Ed. J.-P. Migne. Paris.

PL = Patrologiae cursus completus, series latina. Ed. J.-P. Migne. Paris.

PTS = Patristische Texte und Studien. Berlin.

SC = Sources Chrétiennes. Paris.

Приложение. Чинопоследование таинств крещения и миропомазания

Перевод со славянского[166]

Чин оглашения

Развязывает священник пояс желающего просветиться, снимает с него верхнюю одежду и ставит его лицом к Востоку в одной одежде, не опоясанным, с непокрытой головой и без обуви, держащим руки вниз, и дует ему в лицо трижды, и трижды запечатлевает его крестным знаменем со словами:

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

И возлагает руку на голову его, произнося следующую молитву:

Господу помолимся.

Хор: Господи, помилуй.

Во имя Твое, Господи, Боже истины, и едиnorodного Твоего Сына, и Святого Твоего Духа, возлагаю руку мою на раба Твоего **[или рабу Твою] (имя)**, удостоившегося **[или удостоившуюся]** прибегнуть ко святому имени Твоему и под кровом крыл Твоих укрыться! Удали от него **[или от нее]** то древнее заблуждение и исполни его **[или ее]** верой в Тебя, и надеждой, и любовью, да познает, что Ты Бог единый, Бог истинный, как и едиnorodный Твой Сын, Господь наш Иисус Христос, и Святой Твой Дух. Дай ему **[или ей]** по всем заповедям Твоим поступать и угодное Тебе сохранить: ибо если исполнит их человек, жив будет чрез них. Впиши его **[или ее]** в книгу жизни Твоей, присоедини его **[или ее]** к стаду наследия Твоего, да прославится имя Твое святое в нем **[или в ней]**, как и возлюбленного Твоего Сына, Господа же нашего Иисуса Христа и животворящего Твоего Духа. Да будут очи Твои взирать на него **[или на нее]** с милостию всегда, и уши Твои слышать глас моления его **[или ее]**. Возвесели его **[или ее]** во всех делах рук его **[или ее]** и во всем роде его **[или ее]**, да исповедает Тебя, поклоняясь и славя имя Твое великое и высочайшее, и восхваляет Тебя всегда, все дни жизни своей.

Возглас: Ибо Тебя воспевают все Силы Небесные, и Твоя слава, Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ПЕРВОЕ

Господу помолимся.

Хор: Господи, помилуй.

Запрещает тебе, диавол, Господь, пришедший в Мир и поселившийся между людьми, чтобы разрушить твое самовластие и освободить людей! Он на Древе одержал победу над враждебными силами, когда солнце померкло, и земля колебалась, и гробницы отверзались, и восставали тела святых. Он уничтожил смерть и лишил силы имеющего власть над смертью, то есть тебя, диавола. Заклинаю тебя Богом, показавшим древо жизни и поставившим Херувимов и пламенный меч вращающийся охранять его: будь запрещен **[и удались]**! Ибо я заклинаю тебя Им, ходившим как по суше по хребту моря и запретившим ветрам бури, Чей взор иссушает бездны и угроза расплавляет горы: ведь и ныне Он Сам приказывает тебе через нас: убойся, выйди, и отступи от этого создания, и да не возвратишься, и да не утаишься в нем, и да не встретишь его, или воздействуешь, или вторгнешься в него ни ночью, ни днем, или в какой-либо иной час, или в полдень, но удались в свой тартар до уготованного великого Дня Суда! Убойся Бога, восседающего на Херувимах и озирающего бездны, пред Которым трепещут Ангелы, Архангелы, Престолы, Господства, Начальства, Власти, Силы, многоокие Херувимы и шестикрылые Серафимы, пред Кем трепещут небо и земля, море и все, что в них. Выйди и отступи от запечатанного новоизбранного воина Христа, Бога нашего; ибо я тебя Им заклинаю,

шествующим на крыльях ветров, творящим Ангелов Своих духами и служителей Своих огнем пылающим: выйди и удались от этого создания со всею силою и ангелами твоими.

Возглас: Ибо прославлено имя Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ВТОРОЕ

Господу помолимся.

Хор: Господи, помилуй.

Бог святой, страшный и славный, во всех делах и силе Своей пребывающий непостижимым и непознаваемым, Он, предопределивший тебе, диавол, наказание вечною мукой, через нас, недостойных Его рабов повелевает тебе и всей помогающей тебе силе отступить от новозапечатанного **[или новозапечатанной]** именем Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога нашего. Заклинаю же тебя всезлобного, и нечистого, и скверного, и мерзкого, и чуждого духа силою Иисуса Христа, имеющего всякую власть на небе и на земле, сказавшего глухому и немому демону: «Выйди из человека и больше не входи в него!» Отступи, познай свою суетную силу, даже над свиньями не имеющую власти: вспомни Повелевшего тебе по твоему прошению войти в стадо свиное. Убойся Бога, Чьим повелением земля на водах утвердилась, создавшего небо и поставившего горы отвесно, и долины по мере, и положившего песок морю пределом, и в воде великой – надежный путь; прикасающегося горам – и дымятся; одевающегося светом, как одежду; простирающего небо, как покров из кожи; покрывающего водами горние чертоги Свои; утверждающего землю на основании ее – не наклонится она во век века; призывающего воду моря и проливающего ее на лицо всей земли! Выйди и удались от готовящегося **[или готовящейся]** к святому Просвещению. Заклинаю тебя спасительным страданием Господа нашего Иисуса Христа, и священным Его Телом и Кровию, и пришествием Его страшным: ибо придет Он и не замедлит совершить суд над всею землей, и тебя и помогающую тебе силу накажет в геенне огненной, предав во тьму внешнюю, где червь неусыпающий и огонь неугасимый.

Ибо власть – Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Господу помолимся.

Хор: Господи, помилуй.

Господи Саваоф, Боже Израилев, исцеляющий всякую болезнь и всякую немощь, воззри на раба Твоего, **[или на рабу Твою]**, взыщи, испытай, и отгони от него **[или от нее]** все действия диавола. Запрети нечистым духам и прогони их; и очисти творение рук Твоих, и, употребив Твое разящее действие, сокруши сатану под ноги его **[или ее]** вскоре, и даруй ему **[или ей]** победы над ним и над нечистыми его духами, чтобы, от Тебя милость получив, он удостоился **[или удостоилась она]** бессмертных и небесных Твоих Таинств, и славу Тебе воссылал **[или воссылала]**, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА ЧЕТВЕРТАЯ

Господу помолимся.

Хор: Господи, помилуй.

Сущий, Владыка Господи, сотворивший человека по образу Твоему и по подобию, и давший ему власть жизни вечной; затем падшего грехом не презревший, но устроивший вочеловечением Христа Твоего спасение Мира! Сам и это создание Твое избавив от рабства врагу, прими в Царство Твое пренебесное: открой его **[или ее]** очи мысленные, чтобы воссиял в нем **[или в ней]** свет Евангелия Твоего; соедини с жизнью его **[или ее]** Ангела светлого, избавляющего его **[или ее]** от всякого коварства противника, от встречи злой, от демона полуденного, и от мечтаний порочных.

И дует священник трижды и запечатлевает чело его, и уста, и грудь, говоря: Изгони из него **[или из нее]** всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его **[или ее]**. **И произносит это трижды.**

Духа заблуждения, духа порока, духа идолослужения, и всякого стяжательства, духа лжи и всякой нечистоты, действующей по наущению диавола; и соделай его **[или ее]** овцою разумной святого стада Христа Твоего; членом достойным Церкви Твоей; [сосудом освященным;] сыном **[или дочью]** света и наследником **[или наследницей]** Царства Твоего, чтобы по заповедям Твоим пожив, и сохранив печать нерушимой, и одежду соблюдя незапятнанной, достиг он **[или достигла она]** блаженства святых во Царстве Твоем.

Возглас: По милости, и состраданию, и человеколюбию едиnorodного Твоего Сына, с Которым благословен Ты, со всесвятым, и благим, и животворящим Твоим Духом, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

И обращает священник крещаемого на Запад, раздетого и с поднятыми руками, и спрашивает: Отрекаешься ли от сатаны, и от всех дел его, и от всех ангелов его, и от всего служения его, и от всей гордыни его?

И отвечает оглашаемый, или восприемник его, если крестится иноплеменник или младенец, говоря: Отрекаюсь.

Снова спрашивает священник: Отрекаешься ли от сатаны, и от всех дел его, и от всех ангелов его, и от всего служения его, и от всей гордыни его?

И отвечает: Отрекаюсь.

И спрашивает священник в третий раз: Отрекаешься ли от сатаны, и от всех дел его, и от всех ангелов его, и от всего служения его, и от всей гордыни его?

И отвечает: Отрекаюсь.

Снова спрашивает священник крещаемого: Отрекся ли **[или отеклась ли]** от сатаны?

И отвечает оглашаемый или восприемник его: Отрекся **[или отеклась]**.

Снова спрашивает священник: Отрекся **ли [или отеклась ли]** от сатаны?

И отвечает: Отрекся **[или отеклась]**.

И спрашивает священник в третий раз: Отрекся **ли [или отеклась ли]** от сатаны?

И отвечает: Отрекся **[или отеклась]**.

Затем говорит священник: И дунь и плюнь на него!

И когда он сделает это, обращает его священник к Востоку с опущенными руками и спрашивает: Сочетаешься ли со Христом?

И отвечает оглашаемый или восприемник, говоря: Сочетаюсь.

Снова спрашивает священник: Сочетаешься ли со Христом?

Отвечает второй раз: Сочетаюсь.

И спрашивает священник в третий раз: Сочетаешься ли со Христом?

Отвечает в третий раз: Сочетаюсь.

Затем говорит священник: Сочетался ли **[или сочеталась ли]** со Христом?

И отвечает: Сочетался **[или сочеталась]**.

И снова спрашивает: И веруешь ли Ему?

И говорит в ответ: Верую Ему, как Царю и Богу.

И читает:

1 Верую во единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего и видимого и невидимого. 2 И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, от Отца рожденного прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через Которого всё произошло. 3 Ради нас, людей, и нашего ради спасения сошедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и вочеловечившегося. 4 Распятого же за нас при Понтии Пилате, и страдавшего, и погребенного. 5 И воскресшего в третий день по Писаниям. 6 И восшедшего на небеса, и сидящего справа от Отца. 7 И снова грядущего со славою, судить живых и мёртвых, и Царству Его не будет конца. 8 И в Духа Святого, Господа, Животворящего, от Отца исходящего, со Отцом и Сыном равно поклоняемого и славимого, говорившего чрез пророков. 9 Во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь. 10 Признаю одно Крещение для прощения грехов. 11 Ожидаю воскресения мёртвых, 12 и жизни будущего века. Аминь.

И когда окончит святой Символ, священник снова говорит ему: Сочетался ли [или сочеталась ли] со Христом?

И отвечает: Сочетался [или сочеталась].

И снова спрашивает: И веруешь ли Ему?

И отвечает: Верую Ему, как Царю и Богу.

И читает: Верую во единого Бога: **(все до конца).**

И когда вторично окончит святой Символ, говорит ему снова в третий раз: Сочетался ли [или сочеталась ли] со Христом?

И отвечает: Сочетался [или сочеталась].

И снова спрашивает: И веруешь ли Ему?

И отвечает: Верую Ему, как Царю и Богу.

И читает: Верую во единого Бога: **(все до конца).**

И когда в третий раз окончит святой Символ, снова спрашивает его священник: Сочетался ли [или сочеталась ли] со Христом?

И отвечает: Сочетался [или сочеталась].

Снова спрашивает священник: Сочетался ли [или сочеталась ли] со Христом?

И отвечает второй раз: Сочетался [или сочеталась].

Снова в третий раз спрашивает священник: Сочетался ли [или сочеталась ли] со Христом?

И отвечает в третий раз: Сочетался [или сочеталась].

И говорит священник: И поклонись Ему.

И поклоняется со словами: Поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущной и нераздельной.

Затем говорит священник: Благословен Бог, желающий, чтобы все люди спаслись и пришли к познанию истины, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

И произносит следующую молитву:

Господу помолимся.

Хор: Господи, помилуй.

Владыка Господи, Боже наш, призиви раба Твоего [или рабу Твою] **(имя)**, ко святому Твоему Просвещению и удостой его [или ее] этой великой благодати святого Твоего Крещения! Совлеки с него [или с нее] все ветхое и обнови его [или ее] в жизнь вечную, и исполни его [или ее] силы Святого Твоего Духа, к соединению

с Христом Твоим, да не будет более чадом плоти, но чадом Твоего Царства, благоволением и благодатию едиnorodного Твоего Сына, с Которым благословен Ты, со всеcвятым и благим и животворящим Твоим Духом, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

ПОСЛЕДОВАНИЕ СВЯТОГО КРЕЩЕНИЯ

Войдя в храм, священник облачается в белые священные одежды. Зажигаются все свечи. Взяв кадило и подойдя к купели священник кадит вокруг нее и, отдав кадило, кланяется.

Затем диакон возглашает: Благослови, владыко.

Священник: Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

Диакон возглашает: В мире Господу помолимся.

Хор на каждое прошение: Господи, помилуй.

О мире свыше и о спасении душ наших Господу помолимся.

О мире всего Мира, благоденствии святых Божиих Церквей и о соединении всех Господу помолимся. О святом храме сем и о всех, с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в него, Господу помолимся.

О Великом Господине и отце нашем Святейшем Патриархе (**имя**) и о господине нашем (высоко)преосвященнейшем митрополите (**или:** архиепископе **или:** епископе – **имя**), почтенном пресвитерстве. во Христе диаконстве, о всём клире и народе Божиим Господу помолимся.

О Богохранимой стране нашей, властях и воинстве её Господу помолимся.

Об освящении этой воды силой, и действием, и наитием Святого Духа Господу помолимся.

О ниспослании ей благодати избавления, благословения Иордана Господу помолимся.

О пришествии на эти воды очистительного действия Сверхсущественной Троицы Господу помолимся. О просвещении нас светом знания и благочестия наитием Святого Духа Господу помолимся.

Дабы явиться этой воде защитой от всякого коварства видимых и невидимых врагов Господу помолимся. О том, чтобы стать достойным [**или** достойной] нетленного Царства в ней крещаемому [**или** крещаемой] Господу помолимся.

О ныне приходящем [**или** приходящей] к святому Просвещению и о спасении его [**или** ее] Господу помолимся.

Дабы явиться ему сыном [**или** ей дочерью] света, и наследником [**или** наследницей] вечных благ, Господу помолимся.

Дабы стать ему [**или** ей] соединенным и сопричастным [**или** соединенной и сопричастной] смерти и воскресению Христа, Бога нашего, Господу помолимся.

Дабы сохранить ему [**или** ей] одежду Крещения и обручение Духа незапятнанными и непорочными до страшного Дня Христа Бога нашего, Господу помолимся.

Да станет ему [**или** ей] эта вода купелью возрождения для отпущения грехов и одеждой нетления, Господу помолимся.

Дабы услышал Господь Бог глас моления нашего, Господу помолимся.

О избавлении его [**или** её] и нас от всякой скорби, гнева, [беда] и нужды Господу помолимся.

Защити, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию.

Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянув, сами себя и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу предадим.

Хор: Тебе, Господи.

И пока диакон возглашает эти прошения, священник тайно так молится о себе:

Благосердный и милостивый Боже, испытывающий сердца и внутренние чувства, и один знающий тайны человеческие, ибо нет ничего, сокрытого от Тебя, но все обнажено и открыто пред очами Твоими! Знающий все обо мне, не возгнушайся мною, и не отврати лица Твоего от меня, но презри мои согрешения в час сей, не вззирающий на грехи людей ради их покаяния, и омой мою скверну телесную и нечистоту душевную, и всего меня освяти всесовершенною силою Твоею невидимою, и десницею духовною, чтобы свободу другим возвещая, и ее подавая по Твоему неизреченному человеколюбию через совершенную веру, сам не оказался неисправным, как раб греха. Нет, Владыка, единый благой и человеколюбивый, да не останусь я униженным и посрамленным, но ниспошли мне силу с высоты и укрепи меня к служению предстоящему Твоему таинству, великому и пренебесному и отобрази Христа Твоего в желающем **[или в желающей]** вновь родиться через меня, несчастного. И воздвигни его **[или её]** на основании Апостолов и пророков Твоих и не разрушь, но насади его **[или её]** насаждением истины во святой Твоей соборной и апостольской Церкви, и не исторгни: чтобы преуспевал он **[или преуспевала она]** в благочестии и славилось через него **[или чрез нее]** всесвятое имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

Затем громко возглашает следующую молитву:

Велик Ты, Господи, и дивны дела Твои, и никакого слова не будет довольно, чтобы воспеть чудеса Твои! **[Трижды].**

Ибо Ты по Своей воле все привел из небытия к бытию, Своей силою удерживаешь творение и Своим промыслом управляешь миром. Ты из четырех стихий составив творение, четырьмя временами увенчал круг года. Пред Тобой трепещут все духовные силы, Тебя воспевают солнце, Тебя славит луна, с Тобою беседуют звезды, Тебе повинуются свет, пред Тобою сотрясаются бездны, Тебе рабски служат источники. Ты простер небеса как покров из кожи, Ты утвердил землю на водах, Ты оградил море песком, Ты излил воздух для дыхания. Ангельские силы Тебе служат, хоры Архангелов Тебе поклоняются, многоокие Херувимы и шестикрылые Серафимы, стоящие вокруг и летающие, в страхе от Твоей неприступной славы прикрываются.

Ибо Ты, Бог существом неопикуемый, безначальный и неизреченный, пришел на землю, приняв образ раба, став подобным человеку; ибо Ты, милосердный Владыка, по Своей милости, не мог смотреть на род человеческий, мучимый диаволом, но пришел и спас нас. Исповедуем благодать, проповедуем милость, не таим благодеяния, ибо Ты поколения естества нашего освободил, девственное чрево освятил рождеством Своим. Все творение воспевают Тебя, явившегося. Ибо Ты, Бог наш, на земле явился и общался с людьми. Ты и иорданские струи освятил, ниспослав с небес Всесвятого Твоего Духа, и сокрушил головы гнездящихся там змиев.

Ты Сам, человеколюбивый Царь, приди и ныне наитием Святого Твоего Духа и освяти воду сию! **[Трижды.]**

И дай ей благодать избавления, благословение Иордана, содейлай её источником нетления, освящения даром, освобождением от грехов, защитой от болезней, губительной демонам, для враждебных сил недосыгаемой, мощи Ангельской исполненной. Да бегут от нее злоумышляющие созданию Твоему ибо я Твое имя, Господи, призвал дивное, и славное, и страшное для противников.

И дует на воду трижды, и запечатлевает ее знаменем Креста, погружая персты в воду со словами:

Да сокрушатся под знаменем образа [Священного] Креста Твоего все противящиеся силы. **[Трижды.]**

Молимся Тебе, Господи, да отступят от нас все воздушные и неясные призраки, и да не утаится в воде сей демон темный, и да не сойдет с крещающимся **[или с крещающейся]** дух лукавый, помрачение помыслов, и смятение мысли наводящий; но Ты, Владыко всех, яви эту воду водою избавления, водою освящения, очищением плоти и духа, освобождением от уз, прощением согрешений, просвещением душ, купелью возрождения, обновлением духа, усыновления даром, одеянием нетления, источником жизни. Ибо сказал Ты, Господи: «Омойтесь и будьте чисты, удалите пороки от душ ваших». Ты даровал нам новое рождение свыше – от воды и Духа. Явись, Господи, на воде сей, и дай измениться в ней крещаемому **[или крещаемой]**, чтобы отложить ему **[или ей]** ветхого человека, погибающего в обманчивых вожделениях, облечься же в нового,

обновляемого по образу Создавшего его, дабы сделавшись в крещении причастным **[или причастной]** подобию смерти Твоей, станет он **[или она]** и общником **[или общницей]** воскресения; и, сохранив дар Святого Твоего Духа и возрадив залог благодати, получит награду высшего призвания, и сопричислен **[или сопричислена]** будет к первенцам, написанным на небесах, в Тебе, Боге и Господе нашем Иисусе Христе.

Ибо Тебе подобает слава, власть, честь и поклонение вместе со безначальным Твоим Отцом и с всесвятым, и благим, и животворящим Твоим Духом, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

Священник: Мир всем. **Хор:** И духу твоему. **Диакон:** Главы наши пред Господом преклоним. **Хор:** Тебе, Господи.

И дует трижды в сосуд с елеем, который держит диакон, и запечатлевает его трижды знаменем Креста.

Диакон: Господу помолимся.

Священник же произносит следующую молитву:

Владыка Господи, Боже отцов наших, находившимся в ковчеге Ноевом пославший голубку, несущую в клюве масличную ветвь – знак примирения и спасения от потопа, и тем таинство благодати прообразовавший, и масличный плод для совершения святых твоих Таинств подавший: им Ты и бывших под законом Духа Святого исполнял, и живущим в благодати совершенство даруешь! Сам благослови и этот елей силою, и действием, и наитием Святого Твоего Духа, чтобы стать ему помазанием нетления, оружием правды, обновлением души и тела, от всякого диавольского действия защитой, ко избавлению от зол всем помазывающимся им с верою или вкушающим его. Во славу Твою, и едиnorodного Твоего Сына, и всесвятого, и благого, и животворящего Твоего Духа, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

Диакон: Будем внимать.

Священник, взяв сосуд с елеем, трижды крестообразно возливает из него в купель, каждый раз троекратно воспевая с народом: Аллилуиа.

Затем возглашает: Благословен Бог, просвещающий и освящающий всякого человека, приходящего в мир, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

И подводится крещаемый. Священник берет святого елея и тремя перстами правой руки начертывает образ креста на лбу, и на груди, и между плечами крещаемого со словами:

Помазывается раб Божий **[или раба Божия]** (**имя**) елеем радости во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Помазывая грудь говорит: Во исцеление души и тела.

На ушесех же: В слышание веры.

На руках: Руки Твои сотворили меня и создали меня.

На ногах: Чтобы ходить ему **[или ей]** по стопам Твоим (заповедей Твоих)

И когда восприемник помажет елеем все его тело, крестит его священник, держа его прямо, обращенным взором на восток, со словами:

Крещается раб Божий **[или раба Божия]** (**имя**) во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святого Духа. Аминь.

При каждом речении священник погружает его, трижды низводя его в воду и возводя. И хорошо оmyвает все тело его. Затем принимает его восприемник от святой купели из рук священника на свои руки, покрытые белым полотном. Хор же поет:

ПСАЛОМ 31

Блаженны те, кому прощены беззакония и у кого покрыты грехи! Блажен муж, кому Господь не зачтёт греха, и в устах его нет коварства. Ибо я замолчал; состарились кости мои от того, что кричал я весь день, ибо днём и ночью тяготела на мне рука Твоя; я превратился в страдальца, когда уязвил меня терн. Беззаконие моё я сознал и греха моего не сокрыл; я сказал: «Исповедаюсь в беззаконии моём Господу», – и Ты простил нечестие сердца моего. Потому помолится Тебе всякий праведник в подходящее время, – и тогда при разливе многих вод они к нему не приблизятся. Ты мне прибежище от скорби, охватившей меня; Радость моя! Избавь меня от окруживших меня. «Вразумлю тебя и наставлю тебя на этом пути, по которому ты пойдёшь, устремлю на тебя очи Мои». Не будьте как конь и мул, у которых нет разума, уздой и удилами нужно челюсти их затягивать, не покоряющихся тебе. Много ударов грешнику, а надеющегося на Господа окружит милость. Веселитесь о Господе, и радуйтесь, праведные, и хвалитесь, все правые сердцем.

Исполняется же этот псалом трижды.

И облачает его в белую крещальную одежду, говоря:

Облачается раб Божий **[или раба Божия] (имя)** в ризу праведности во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Ризу мне даруй светлую, / одевающийся светом как одеждою / многомилостивый Христе Боже наш.

ЧИН СВЯТОГО МИРОПОМАЗАНИЯ

И после облачения его молится священник, произнося следующую молитву:

МОЛИТВА МИРА

Благословен Ты, Господи, Боже Вседержитель, источник благ, солнце правды, пребывавшим во тьме возжегший свет спасения явлением едиnorodного Твоего Сына и Бога нашего и даровавший нам, недостойным, блаженное очищение во святом Крещении и божественное освящение в животворящем Помазании, благоволивший и ныне возродить раба Твоего новопросвещенного **[или рабу Твою новопросвещенную]** водою и Духом, и прощение вольных и невольных согрешений ему **[или ей]** даровавший! Сам, Владыка, милосердный Царь всего, даруй ему **[или ей]** и печать дара Святого, и всесильного, и поклоняемого Твоего Духа и причащение святого Тела и драгоценной Крови Христа Твоего. Сохрани его **[или ее]** в Твоем освящении, утверди в православной вере, избавь от лукавого и всех обычаев его, и спасительным Твоим страхом в чистоте и правде душу его **[или ее]** соблюди, чтобы он **[или она]**, во всяком деле и слове благоугождая Тебе, сыном и наследником **[или дочь и наследницей]** будет Твоего Небесного Царства.

Возглас: Ибо Ты – Бог наш, Бог милующий и спасающий, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

И после молитвы помазывает крестившегося святым Миром, начертывая образ креста на лбу, глазах, ноздрях, устах, ушах, на груди, на руках и на ногах, со словами: Печать дара Духа Святого. Аминь.

Затем священник, омыв руки, [кадит купель], трижды обходя ее кругом с восприемником, держащим на руках младенца. И поем троекратно на глас 1:

Сколько вас во Христа ни крестилось, / во Христа вы все облеклись. Аллилуиа.

Диакон: Будем внимать.

Господь – просвещение моё и Спаситель мой: / кого убоюсь. **Стих:** Господь – защитник жизни моей: от кого устрашусь. Пс 26:1

Диакон: Премудрость. **Чтец:** К Римлянам послания святого Апостола Павла чтение. **Диакон:** Будем внимать.

Братья, все мы, кто были крещены во Христа Иисуса, в смерть Его были крещены. Итак мы были с Ним погребены чрез крещение в смерть, чтобы, как был воздвигнут Христос из мёртвых славою Отца, так и мы

ходили бы в обновлении жизни. Ибо если мы оказались сращенными с Ним подобием смерти Его, мы, конечно, будем сращены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек был распят с Ним, дабы упразднено было тело греха, так чтобы не быть нам больше рабами греха; ибо умерший свободен от греха. Если же мы умерли со Христом, то верим, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, восстав из мёртвых, больше не умирает, смерть больше не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер раз навсегда греху, а что живет, то живет Богу. Так и вы считайте, что вы мертвы греху, но живы Богу во Христе Иисусе, Господе нашем. Рим 6:3-11.

Священник: Мир тебе.

Чтец: И духу твоему.

Диакон: Премудрость! Будем внимать.

Чтец: Аллилуиа. (3)

Диакон: Премудрость! Станем благоговейно. Услышим святое Евангелие.

Священник: Мир всем.

Хор: И духу твоему.

Священник: От Матфея святого Евангелия чтение.

Хор: Слава Тебе, Господи, слава Тебе.

Диакон: Будем внимать.

В то время одиннадцать учеников отправились в Галилею на гору, куда повелел им Иисус. И, увидев Его, поклонились Ему; а иные усомнились. И подойдя, Иисус сказал им, говоря: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я заповедал вам. И вот, Я с вами все дни до конца века. Аминь. Мф. 28:16-20

ЕКТЕНИЯ

Диакон: Помилуй нас, Боже, по великой милости Твоей, молимся Тебе, услышь и помилуй.

Хор на каждое прошение: Господи, помилуй. (3) Ещё молимся о Великом Господине и отце нашем Святейшем Патриархе (**имя**) и о господине нашем (высоко)преосвященнейшем митрополите (**или:** архиепископе **или:** епископе - **имя**), и о всём во Христе братстве нашем.

Ещё молимся о Богохранимой стране нашей, властях и воинстве её, да тихую и безмятежную жизнь проведём во всяком благочестии и чистоте.

Ещё молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении и оставлении грехов раба Божия (**имя**), восприемника.

Ещё молимся о новопросвещенном рабе Божиим [**или** о новопросвещенной рабе Божией] (**имя**), да сохранится он [**или** она] в чистом исповедании веры, во всяком благочестии и исполнении заповедей Христовых во все дни жизни своей.

Священник: Ибо Ты – милостивый и человеколюбивый Бог, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

Священник: Слава Тебе, Христе Боже, надежда наша, слава Тебе.

Хор: Слава, и ныне: Господи, помилуй. (3) Благослови.

Священник произносит отпуст.

ЧИН ОМОВЕНИЯ СВЯТОГО МИРА В ВОСЬМОЙ ДЕНЬ

И в восьмой день снова приносят его в церковь для омовения. И развязывает священник пелены его и пояс, произнося следующие молитвы:

Диакон: Господу помолимся.

Хор: Господи, помилуй.

Избавление от грехов святым Крещением рабу твоему **[или рабе твоей]** Даровавший и жизнь через возрождение ему **[или ей]** Подавший – Сам Владыка Господи! Светом лица Твоего озарять сердце его **[или ее]** всегда благоволи; щит веры его **[или ее]** недоступным для козней вражиих соблюди; одежду нетления, в которую он облекся **[или облеклась она]**, незапятнанной на нем **[или на ней]** и неоскверненной сохрани, неповрежденной в нем **[или ней]** духовную печать Своею благодатию соблюдая, будучи милостивым к нему **[или ней]** и к нам по множеству сострадания Твоего.

Ибо благословенно и прославлено всесвященное и величественное имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

МОЛИТВА ВТОРАЯ

Диакон: Господу помолимся.

Хор: Господи, помилуй.

Священник: Владыка Господи, Боже наш, купелью небесное осияние крещаемым подающий, возродивший раба Твоего новопросвещенного **[или рабу Твою новопросвещенную]** водою и Духом, и вольных и невольных грехов прощение ему **[или ей]** даровавший! Возложи на него **[или на нее]** руку Твою могущественную и сохрани его **[или ее]** силою Твоей благодати, обручение его неприкосновенным сохрани и удостой его **[или ее]** жизни вечной и Тебе благоугождения.

Ибо Ты – освящение наше, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

Священник: Мир всем. **Хор:** И духу твоему. **Диакон:** Главы наши пред Господом преклоним. **Хор:** Тебе, Господи.

Священник: Облачившийся **[или облачившаяся]** в Тебя, Христа и Бога нашего, пред Тобою с нами склонил **[или склонила]** главу свою. Сохрани же его **[или ее]**, да пребудет непобедимым подвижником **[или непобедимой подвижницей]** против тщетно враждующих с ним **[или с нею]** и с нами и, дав Свой нетленный венец, до конца победившими всех объяви. Ибо Ты милуешь и спасаешь [нас], и Тебе славу воссылаем, с безначальным Твоим Отцом, и всесвятым и благим и животворящим Твоим Духом, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

И развязывает пояс и пелены младенца и, соединив края их, обмакивает их в чистую воду, и кропит младенца, говоря:

Ты оправдался, просветился, освятился, омылся именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего **[или Ты оправдалась, просветилась, освятилась, омылась именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего]**.

И, взяв новую губку, напоенную водою, оттирает лицо его, голову, грудь и прочее со словами: Ты крестился, просветился, миропомазался, освятился, омылся, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь, **[или Ты крестилась, просветилась, миропомазалась, освятилась, омылась, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.]**

МОЛИТВА НА ПОСТРИЖЕНИЕ ВОЛОС

Диакон: Господу помолимся.

Хор: Господи, помилуй.

Священник: Владыка Господи, Боже наш, образом Своим почтивший человека, из души разумной и тела благолепного так устроив его, чтобы тело служило разумной душе; главу же превыше всего поставивший и в ней большинство чувств поместивший, не мешающих друг другу; а волосами Ты голову покрыл, чтобы ей не вредили перемены воздушные, и все члены тела его по потребности расположил, чтобы всеми ими он благодарил Тебя, Величайшего Художника! Сам, Владыко, через избранный сосуд Твой – Павла Апостола заповедавший нам все во славу Твою совершать, раба Твоего **[или рабу Твою] (имя)**, пришедшего **[или пришедшую]** принести начаток – остричь волосы главы своей, благослови вместе с его **[или с ее]** восприемником и дай им всегда поучаться в законе Твоем и благоудное Тебе творить.

Ибо Ты – милостивый и человеколюбивый Бог, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

Священник: Мир всем.

Хор: И духу твоему.

Диакон: Главы наши пред Господом преклоним.

Хор: Тебе, Господи.

Священник произносит следующую молитву:

Господи Боже наш, от полноты купели по Твоей благодати освятивший верующих в Тебя, благослови это дитя, и да сойдет на главу его **[или ее]** Твое благословение. И как благословил Ты через пророка Самуила Давида царя, благослови и главу раба Твоего **[или рабы Твоей] (имя)** рукою меня грешного, нисходя к нему **[или к ней]** Духом Твоим Святым, чтобы он **[или она]**, преуспевая возрастом и сединами старости, славу Тебе воссылал **[или воссылала]**, и видел **[или видела]** блага Иерусалима во все дни жизни своей.

Ибо подобает Тебе вся слава, честь и поклонение, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

И постригает его крестообразно со словами:

Постригается раб Божий **[или раба Божия] (имя)**, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хор: Аминь.

Затем произносится ектения сугубая, в которой в своем месте поминается восприемник и новопросвещенный.

Диакон: Помилуй нас, Боже, по великой милости Твоей, молимся Тебе, услышь и помилуй.

Хор на каждое прошение: Господи, помилуй. (3)

Ещё молимся о Великом Господине и отце нашем Святейшем Патриархе **(имя)** и о господине нашем (высоко)преосвященнейшем митрополите **(или: архиепископе или: епископе – имя)**, и о всём во Христе братстве нашем.

Ещё молимся о Богохранимой стране нашей, властях и воинстве её, да тихую и безмятежную жизнь проведём во всяком благочестии и чистоте.

Ещё молимся о милости, жизни, мире, здравии и о спасении рабов Божиих новопросвещенного **[или новопросвещенной] (имя)**, восприемника его **[или ее] (имя)** и всего предстоящего народа.

Священник: Ибо Ты – милостивый и человеколюбивый Бог, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и всегда, и во веки веков.

Хор: Аминь.

Священник: Слава Тебе, Христе Боже, надежда наша, слава Тебе.

Хор: Слава, и ныне: Господи, помилуй. (3) Благослови.

Священник произносит отпуст.